

СУЩНОСТЬ ДЗЭН: искусство быть свободным

Составление и редакция Томаса Клири

В настоящем издании собраны высказывания дзэнских наставников эпох Тан, Сун и Юань (VII–XIV вв.), объединенные одной темой: постижение и обретение свободы. Базовые тексты сопровождаются обширным и тщательным исследованием Томаса Клири, рассматривающего как постановку проблемы, так и предлагаемые методы ее разрешения на протяжении обширного периода истории китайского дзэн-буддизма от примитивизма Ма-цзу до интеллектуальной изощренности Фэнь-яна и Сюэ-доу.

Предисловие составителя

Дзэн/чань¹ — это сущность буддизма, а свобода — сущность чань. И на простейшем, и на самом глубоком уровне для чань важно только одно — освобождение того потенциала, что скрыт в человеческом сознании. Китайский чаньский наставник Ин-ань говорил: «Чаньский образ жизни — это самый прямой и короткий путь к обретению пробуждения и овладению чань в том самом месте, где находишься, путь, совершенно не требующий усилий».

Свобода, которую предлагает чань-буддизм, отнюдь не запредельна, она находится здесь, в этом мире. Она не требует ничего постороннего и может быть воплощена на практике среди повседневных занятий и дел. Она применима сиюминутно и развивается естественно. Да-хуэй, другой великий китайский наставник, говорил: «Чтобы обрести пробуждение, во все не обязательно отказываться от семьи, бросать службу, есть только овощи, быть аскетом или бежать в тихое спокойное место».

Но при этом чаньская свобода, осуществляясь в мире, в сущности, не принадлежит этому миру; она отнюдь не равнозначна той свободе, которая может быть гарантирована или дарована социальной или политической системой. Согласно чаньскому учению, свобода, зависящая от вещей мира, может быть ограничена, а свобода дарованная может быть отнята. Желая обрести свободу, которую нельзя ограничить и нельзя отнять, чаньское освобождение исходит из внутреннего. По самой своей природе она не может войти в индивидуальное сознание извне.

¹ Дзэн — японское чтение китайского иероглифа «чань». — Прим. ред.

Чаньское освобождение, по существу, достигается посредством особого знания и восприятия, проникающих в истоки существования. Такое знание и восприятие освобождает сознание от произвольных ограничений, накладываемых на него причинно-следственной зависимостью, открывая тем самым потенциальные возможности сознания. Да-хуэй пояснял: «Царство пробужденных — это не внешнее царство с четкими и ясными признаками; природа Будды — это царство священного знания в тебе самом. Чтобы обрести ее, не требуется никаких особых качеств, практик или понимания. Все, что нужно, — это избавиться от психических привязанностей к внешнему миру, которые накапливались в сознании с безначального времени».

Чань очищает сознание для внутреннего понимания собственной сущностной природы; и тогда внутреннее понимание сущностной пустоты сознания позволяет человеку естественным образом сохранять равновесие и оставаться свободным в любом положении; в таком случае человек может идти дальше и прояснять повседневный опыт. Японский наставник Бунан говорил: «Люди полагают, что узреть подлинную человеческую природу невероятно трудно, но на самом деле это не трудно и не легко. К этой сущностной природе вообще ничего не может относиться. Следует отзываться на правильное и неправильное, оставаясь вне правильного и неправильного; жить среди страстей, устранившись при этом от страстей; видеть, не видя; слышать, не слыша; действовать, не действуя; искать, не находясь в поиске».

Просветленная чаньская свобода, находящаяся в мире и одновременно не принадлежащая миру, сравнивается в традиции с цветком лотоса, корни которого покоятся в грязи, но сам он расцветает над водой.

Она представляет собой не отрицающую отчужденность, но гармонию независимости и открытости. Вот почему она реализуется не формальным усилием, но непосредственным опытом и раскрытием сущности человеческого сознания.

Парадоксальность чаньской свободы заключается в том, что она есть и она доступна, но при этом так или иначе становится недоступной, когда ее домогаются намеренно. Откликается она на то, что Бунан называл «искать, не находясь в поиске». А Ин-ань так говорил об этом: «В чань нет ничего, что можно было бы ухватить. Если люди, изучающие чань, не видят его, то только потому, что они слишком нетерпеливо приближаются».

Поэтому классические чаньские сочинения — это не систематические изложения чань-буддизма, представляющие собой наставления в учении или перечень ритуалов, которым необходимо следовать, призванные, как можно было бы предположить, вести шаг за шагом всех и каждого во внутреннюю святая святых. Они написаны затем, чтобы пробуждать спящие пласти сознания, а не для того, чтобы прививать идеи или верования.

Со времени исчезновения первых чаньских школ было разработано бесчисленное множество систем, ставивших перед собой цель приблизиться к чань-буддизму, но ни одна из них не является полной или окончательной, и ни одна не оказалась последней. Все дело в природе чань-буддизма, обращающегося к личному опыту каждого человека и каждой эпохи. Это справедливо для всех школ буддизма, о чем свидетельствуют их сутры. Наставник Да-хуэй говорил: «Если вы полагаете, что существуют какие-то облеченные в слова принципы — особые волшебные сек-

реты, которые надлежит передавать, то это — не истинный чань».

Чань-буддизм привносит в сознание дополнительное измерение, как в рациональном, так и в интуитивном аспектах. Он делает это, углубляя и оттачивая мысль, и пестуя особый тип постижения или знания, более возвышенный, чем сама мысль. Поскольку является аксиомой то, что подобный вид духовного развития в конечном счете не может быть дарован и не может быть взят, чаньское обучение требует собственного неповторимого подхода.

Сущность такого подхода, сформулированная китайским наставником Юань-у, обманчиво проста: «Отбрось все лозунги, которые выучил, и все взгляды, приставшие к твоему телу». Чань — это новейшая сущность сознания, всегда исчезающая к тому времени, как она становится идеей. Отсюда и тот глубинный смысл, который чань вкладывает в литературу, — дать толчок, импульс, а не идеологию.

Вследствие самой природы чань-буддизма сущность его — не восточная и не западная. Чаньские наставники классической эпохи говорили, что сущность не принадлежит никакой конкретной культуре или философии, не говоря уже о каком-то социальном слое или группе. Чаньский поэт восклицал: «На чью дверь не бросает свой отблеск луна?» Сущность чань скрыта в истоке идей, а не является продуктом идей; вот что отличает ее от любой производной философии, религии, искусства и науки.

Существует множество путей вступления в чань, а возможности, даваемые чань-буддизмом, еще богаче. Настоящая книга представляет собой собрание едва уловимых намеков на то, как постичь и «прожить» сущность чань, взятых из сочинений величайших

чаньских наставников Древнего Китая. Эти уникальные произведения человеческого духа являются наиболее открытыми и прямыми формами наставления во всем чаньском каноне. Они — не религия и не философия, но практическая психология освобождения.

Подобный тип чаньской литературы известен уже на протяжении столетий и доступен каждому. Требует он только одного — сознания, и не зависит от наличия за плечами опыта какой-то особой школы в виде чань-буддизма или любого другого направления азиатской культуры. Он обращается непосредственно к взаимоотношению между сознанием и самой культурой, каковой бы последняя ни была. Поэтому он напрямую соотносится с образом постижения мира и проживания жизни, где бы человек ни находился. В этом и состоит универсальность чань-буддизма, его подлинная сущность.

Чаньский наставник Ма-цзу

Обыкновенное сознание

Путь не требует культивирования — просто не нужно загрязнять его.

Что такое загрязнение? Пока сознание неустойчиво и создает искусственное и надуманное — все это загрязнение.

Если желаешь напрямую постичь Путь, то обыкновенное сознание — вот в чем Путь.

Под обыкновенным сознанием я подразумеваю сознание, лишенное искусственности, лишенное субъективных суждений, лишенное приятия и неприятия.

Корень

Основатели чань говорили, что сущность человека внутренне полна от рождения. Просто не следует фиксировать сознание на хорошем или плохом — это и называется практикованием Пути. Принимать хорошее и отвергать плохое, созерцать пустоту и начинать концентрироваться — все это из области надуманного, и если продолжать искать внешнего, будешь отстраняться все дальше и дальше.

Следует просто покончить с мысленной объективацией мира. Одна-единственная мысль блуждающего ума есть корень рождения и смерти в мире. Просто не имей ни одной мысли, и тогда избавишься от корня рождения и смерти.

Океан размышлений

Человеческие иллюзии относительно незапамятных времен, обмана, гордости, блуждания и тщеславия скапливаются в одно целое. Вот почему в сутрах сказано, что целое это просто состоит из элементов, и

его появление и исчезновение также состоит из элементов, лишенных идентичности. Когда последовательные мысли не ждут друг друга и каждая мысль спокойно умирает, это называется «погруженностью в океан размышлений».

Иллюзия и пробуждение

Иллюзия означает непонимание собственного изначального сознания; пробуждение означает понимание собственной изначальной сущности. Однажды пробудившийся никогда более не попадет под власть иллюзий.

Если понимаешь сознание и объекты, ложные представления не возникнут; когда ложные представления не возникают, в этом заключается признание безначальности вещей. Всегда имел это и имеешь сейчас — нет никакой нужды культивировать Путь и сидеть в медитации.

Чаньский наставник Да-чжу

Искусственный чань

У тебя, к счастью, все в порядке, и тем не менее ты прикладываешь искусственные усилия. Зачем ты хочешь надеть оковы и отправиться в темницу? Каждый день ты занят и заявляешь, что изучаешь чань, постигаешь Путь и истолковываешь учение Будды, но все это уводит тебя еще дальше. Ведь это просто погоня за звуком и формой. Ты остановишься когда-нибудь?

Твое сокровище

Учитель Моу сказал мне: «В сокровищнице внутри тебя есть все, и ты волен использовать ее. Нет никакой надобности искать снаружи».

Чаньский наставник Линь-цзи

Истинное восприятие и понимание

Те, кто изучают учение Будды, должны искать подлинного, истинного восприятия и понимания. Если обретешь подлинное, истинное восприятие и понимание, рождение и смерть не повлияют на тебя — ты волен идти вперед или оставаться на месте. Не нужно искать чудес, ибо чудеса рождаются сами собой.

Уверенность в своих силах

На что я указываю, так это только на то, что не следует позволять другим сбивать себя с толку. Действуй, когда нужно действовать, без всяких колебаний или сомнений.

Ныне люди неспособны на это — в чем их беда? Беда их заключается в отсутствии уверенности в своих силах.

Если спонтанно не доверяешь себе в достаточной степени, окажешься в безумном состоянии, будешь гоняться за всевозможными объектами и изменяться под воздействием этих объектов, и не сможешь сохранить независимость.

Будда внутри

В мире нет спокойствия, он подобен горящему дому. Это не то место, где можно остаться надолго. Убивающий демон непостоянства безжалостен, он не выбирает между высшими и низшими, между старыми и молодыми.

Если хочешь походить на будд и чаньских наставников, не ищи ничего вовне.

Чистый свет в момент постижения в твоем сознании — это сущностная природа Будды в тебе самом.

Не выявляющий различий свет в момент постижения в твоем сознании — это мудрость Будды в тебе самом. Неразличимый свет в момент постижения в твоем сознании — это проявление Будды в тебе самом.

Никаких навязчивых идей

Самое необходимое — это искать подлинного, истинного восприятия и понимания, и тогда сможешь быть свободным в мире и не будешь сбит с толку недалекими учителями.

Самое лучшее — не иметь никаких навязчивых идей. Просто не позволяй обмануть себя. Будь обыкновенным.

Ты страстно ищешь повсюду, обращаясь к другим за собственными руками и ногами. Это — уже ошибка.

Основание сознания

Основание сознания может погрузиться в обыденное, в святое, в чистое, в оскверненное, в подлинное, в обусловленное; но это не твое «подлинное» или «обусловленное», «обыденное» или «святое». Оно может наклеить ярлык на все подлинное и обусловленное, обыденное и святое, но подлинное и обусловленное, обыденное и святое не в состоянии наклеить ярлык на того, кто находится в основании сознания. Если можешь овладеть им, используй, не наклеивая больше никаких ярлыков.

Понимание людей

Когда ко мне приходят последователи чань, я уже полностью понял их. Как мне это удается? Просто потому, что мое восприятие независимо — вовне я не хватаюсь за обыденное или святое, внутри я не задерживаюсь на основном. Я вижу насквозь и более не сомневаюсь и не допускаю ошибок.

Независимость

Будь независим, где бы ты ни находился, прямо здесь и скрыто понимание. Возникающие ситуации не могут изменить тебя. Даже если у тебя есть плохие привычки, ты спонтанно освободишься от них.

Духовные невежды

Для нынешних учеников истина остается совершенно скрытой. Они подобны пасущимся козам, подбирающим все, во что они уткнутся. Они не различают между слугой и господином, между гостем и хозяином.

Подобные люди вступают на путь чань с искаженным сознанием и не способны успешно действовать в ситуации, требующей активности. Их можно назвать подлинными посвященными, но на самом деле они — обычные миряне.

Тот, кто действительно избавляется от привязанностей, должен овладеть подлинным, истинным восприятием, чтобы отличать пробужденных от преследуемых навязчивыми идеями, настоящих от искусственных, недалеких от мудрых.

О том, кто в состоянии различить их, можно сказать, что он действительно избавился от зависимости.

Буддийские священнослужители, не умеющие отличить захваченности от пробуждения, просто остались одно сословие и вступили в другое. Их никак нельзя назвать независимыми.

Ныне захваченность учением Будды смешивается с подлинным. Обладающие ясным взором проникают и сквозь захваченность, и сквозь учение Будды. Любащий святое и презирающий обыденное по-прежнему тонет в океане заблуждений.

Ярлыки и объективная истина

Хватающемуся за ярлыки и лозунги мешают эти самые ярлыки и лозунги, как используемые в повседневной жизни, так и считающиеся священными. Таким образом, они препятствуют восприятию объективной истины, и человек лишается возможности понимать ясно.

Свободное «я»

Если хочешь быть свободным, познай свое собственное «я». Оно не имеет формы, внешнего проявления, корней, основания, местопребывания, но оно обладает силой и жизнестойкостью. Оно откликается с гибкостью и легкостью, но свойства его невозможno поместить в заданное место. Вот почему, когда ищешь его, удаляешься от него, чем больше домогаешься его, тем более отворачиваешься от него.

Не иметь беспокойства

Просто умиротвори мысли и более не ищи ничего вовне. Когда вещи предстанут перед тобой, удели им свое внимание; доверяй тому, что действует в тебе в настоящий момент, и тогда тебе не о чем будет беспокоиться.

Монахи-слепцы

Есть такие монахи-слепцы, которые, насытившись вволю, садятся в медитацию и практикуют сосредоточение, сдерживают рождающиеся мысли, чтобы не дать им развиться, избегая при этом шума и стремясь к тишине. Это — отклонение от чань.

Некритическое восприятие

Ты принимаешь слова обычных чаньских наставников за подлинный Путь, полагая, что чаньские учи-

теля непостижимы, и что сам ты, будучи простым человеком, не вправе даже пытаться оценивать тех, кто жил в древности. Ты слеп, если будешь придерживаться таких взглядов на протяжении всей жизни, в противоположность тому, что говорят твои собственные глаза.

Ловушка для новичков

В чаньских общинах говорят, что есть Путь, который надлежит практиковать, и есть истина учения, которую надлежит понять. Скажи-ка мне, какая истина учения понимается, какой путь практикуется? В твоем нынешнем положении, чего у тебя нет? На чем ты будешь фиксировать внимание?

Молодые ученики, не понимая этого, сразу же начинают верить подобным обманщикам и позволяют им говорить о вещах, которые привязывают людей.

Сверхъестественные способности

Шесть сверхъестественных качеств пробужденных — это способность вступать в сферу форм, не будучи сбитым с толку формами, вступать в сферу звуков, не будучи сбитым с толку звуками, вступать в сферу запахов, не будучи сбитым с толку запахами, вступать в сферу вкусов, не будучи сбитым с толку вкусами, вступать в сферу чувств, не будучи сбитым с толку чувствами, вступать в сферу явлений, не будучи сбитым с толку явлениями.

Объективное восприятие и понимание

Если хочешь воспринимать и понимать объективно, не позволяй людям приводить тебя в замешательство. Устранись от всего, что найдешь внутри или вне себя, — устранись от учения, традиции, людей, и

только тогда освободишься. Если вещи не опутывают тебя, перед тобой открыт путь к свободе.

Учение чань

У меня нет учения, которое я мог бы дать людям, — я просто излечиваю болезни и ломаю оковы.

Добавлять тину к грязи

Некоторые чаньские ученики пребывают в цепях, когда они идут к наставнику, а наставник добавляет еще одну цепь. Ученики пребывают в восхищении, будучи неспособными отличить одну вещь от другой. Это называется «гость смотрит на гостя».

Господин и слуга

Когда я говорю, что вовне ничего нет, ученики, которые не понимают меня, истолковывают сказанное так, что это и есть внутренняя сущность, и поэтому они сидят молча и неподвижно, принимая это за чань.

На самом деле здесь кроется огромная ошибка. Принимать состояние неподвижной ясности за чань — значит признавать невежество господина перед слугами.

Движение и покой

Если попытаешься ухватить чань в движении, чань удаляется в покой. Если попытаешься ухватить чань в покое, он удаляется в движение. Чань подобен рыбке, прячущейся в источнике, вспенивающей волны и прыгающей.

Движение и покой — два состояния. Чаньский наставник, который ни от чего не зависит, осмотрительно использует и движение, и покой.

Чаньский наставник Ян-шань

Учение чань

Взаимодействие происходит, если в нем есть потребность; если потребности нет, отсутствует и взаимодействие.

Глубокое и мелкое

Если бы я объяснял сущность чань, рядом со мной не было бы ни одного человека, не говоря уже об общине в пятьсот или семьсот человек. Однако когда я говорю обо всем подряд, вы тут как тут, стремитесь сюда и все подбираете. Это все равно что обманывать ребенка пустым кулаком — в нем на самом деле ничего нет.

Сущность чань

Я объясняю вам вещи, имеющие отношение к пробуждению, но не пытайтесь задерживать на них свое сознание. Просто обратитесь к безбрежному океану собственной сущности и практикуйте гармонию с ее подлинной природой.

Сверхъестественные способности

Вы не нуждаетесь в сверхъестественных способностях, поскольку они — результат пробуждения. Сейчас же вам необходимо знать свое сознание и добраться до его истоков.

Корни и ветви

Проникни к корням и не беспокойся о ветвях, ибо в один из дней ты без усилий придешь и к ним. Если не обретешь основы, то даже при упорном учении точно так же не обретешь и ветвей.

Внутренний взгляд

Обратите свое внимание внутрь — не запоминайте мои слова. Вы отворачивались от света и поворачивались к темноте со временем, о которых даже не помните, так что корни ваших пристрастных представлений ушли глубоко, и моментально выкорчевать их трудно. Вот почему я временно прибегаю к уловкам, которые бы устранили ваше грубое восприятие.

Чаньский наставник Фа-янь

Ложные чаньские наставники

Неправильно выступать в качестве наставника других, пока собственное сознание не пробудилось совершенно.

Основание чань

Учение об основании сознания — главное в постижении чань. В основании сознания кроется великое понимание существования как оно есть.

Заблуждения

Вследствие заблуждений люди ошибочно принимают вещи за самих себя; вспыхивает жадность, и они попадают в порочный круг, замутняющий восприятие и погружающий их во мрак невежества. Порочные круги следуют один за одним, и люди не могут освободиться из них.

Упадок чань

Предназначение чань — дать людям возможность мгновенно выйти за пределы обыденного и святого, позволив им пробудиться самим и навсегда отсечь корень сомнения.

Ныне многие люди пренебрегают этим. Они могут присоединяться к чаньским общинам, но они ленивы в том, что касается постижения чань. Даже если им удается добиться концентрации, они не выбирают подлинных наставников. Из-за ошибок мнимых учителей они точно так же утрачивают Путь.

Не постигнув чувств и объектов, но обладая некоторым неверным истолкованием, они попадают под его власть и совершенно утрачивают правильные основания.

Они интересуются только тем, как бы возвыситься и прославиться в качестве наставника. Они ценят пустую земную славу и тем самым только приносят себе зло. Они не только делают слепыми и глухими своих последователей, но и приводят к упадку влияния чань.

Сектантство

Чань не основывается на предпосылке, что есть учение, которое надлежит передавать, и не поддерживается ею. Суть чань — в прямом пути к человеческому сознанию, постижению его сущности и обретению пробуждения. Разве при этом могут быть сколько-нибудь ценные сектантские направления?

В способах обучения, установленных чаньскими наставниками позднейших времен, были различия, как были и традиции, и изменения. Методы, использовавшиеся некоторыми знаменитыми чаньскими наставниками, выродились в качестве традиции до такой степени, что их потомки превратились в сектантов и утратили способность приблизиться к изначальной реальности. В конце концов они полностью отклонились, они противоречат друг другу и нападают друг на друга. Они не отличают глубокого от поверхностного и не знают, что у Великого Пути нет сторон и что вода в ручьях истины одного и того же вкуса.

Различение

Чаньские наставники должны прежде всего отличать ложное от истинного; затем они должны ясно понимать свою эпоху.

Извращенное учение

В последнее время чаньские наставники утратили основу, так что у учеников нет возможности учиться. Из себялюбия постоянно рождаются ссоры, а временное состояние принимается за достижение.

Принцип и явление

В чань есть принцип и есть явление. Явление основано на принципе, принцип поясняется явлением. Принцип и явление действуют сообща, подобно глазам и ногам.

Субъективные суждения

Если составляешь субъективные, личные суждения о событиях минувшего и настоящего и не пытаешься облагородить и очистить свое понимание, это подобно тому, как если пытаться исполнять танец с мечом, не научившись держать в руках меч.

Понимание и воображение

Невозможно постигнуть цель слов и поступков пробужденных, опираясь на игру воображения.

Преемственность чань

Если запоминаешь формулы, не сможешь приспособиться к ситуации. Это не значит, что нет способа учить последователей пониманию, но если путь постигнут, важно полностью реализовать его. Если просто привязываешься к школе учителя и запоминаешь девизы, это не пробуждение, а часть умозрительного знания.

Вот почему сказано: «Если твое понимание всего лишь равняется пониманию наставника, ты уменьшаешь его добродетель наполовину. Только если твое понимание превосходит понимание наставника, ты можешь выразить его учение».

Шестой патриарх чань сказал одному только что пробудившемуся: «То, что я скажу тебе, не секрет. Секрет — в тебе самом».

Другой чаньский наставник сказал своему спутнику: «Все проистекает из твоего собственного сердца».

Чаньский наставник Фэнь-ян

Деятельность наставника

Кто-то спросил Фэнь-яна: «В чем состоит деятельность проповедующего наставника?»

Фэнь-ян ответил: «Бескорыстно вести близких».

Луна и облака

Изначальная природа Будды всех живых существ подобна светлой луне на небе — она не показывается только потому, что плавающие облака закрывают ее.

Независимое знание

Необходимо самому знать, что свято, а что — обыденно, что правильно, а что — неправильно, и не обращать внимания на суждения других. Скольким людям когда-либо удавалось отыскать все непостижимое? Люди произвольно следуют чувственным ощущениям и мечутся, как глупцы.

Время и отдых

Закончите ли вы когда-нибудь соперничать? Прежде, чем вы поймете, весенний пейзаж обернется осенним. Листья опадают, гуси летят на юг, мороз день ото дня все крепчает. Одетые и обутые, чего же вы еще ищете?

Дьявол, Будда и сознание

Когда сознание постигнуто, сознание есть Будда. Когда сознание не постигнуто, оно есть дьявол. Дьявол и Будда суть порождение одного сознания. Будда — это истинное, дьявол — это безумное.

Прямое указание на основание сознания

Немногие люди верят в то, что их собственное сознание есть Будда. Большинство же не воспринима-

ет этого серьезно, и потому они ограничены. Они погрязли в иллюзиях, стремлениях, обидах и прочих напастях, и все потому, что они так обожают пещеру невежества.

Внезапное пробуждение

Когда внезапно проникнешь в исток сознания, откроешь тем самым ящик с драгоценностями. Почитаемый на земле и на небе, ты в стороне даже от упоения медитацией. Сущность, содержащая все вкусы, — самое изысканное лакомство, и оно стоит больше, чем десять тысяч лянов чистого золота.

Постижение через исток

Когда ты пребываешь в заблуждении и полон сомнений, даже тысячи книг с сутрами будет недостаточно. Когда же понимание обретено, даже одного слова слишком много.

Чань требует индивидуального постижения, через духовное признание. Чань не передается непосредственно через написанные слова.

Суть чаньской практики

Когда укрепишься в чань, сознание станет ясным и безмятежным, и не будет отвлекаться на мирскую суету. Ты вступаешь в сферу пробуждения и выходишь за пределы повседневности, покидая мир, хотя и оставаясь среди людей.

Реализация Пути

Когда постигнута вселенская пустота, все ситуации естественным образом контролируются. Человек полностью причастен тому, что лежит за пределами мира, но при этом охватывает то, что находится во всех сферах существования.

Если сущность чань упущена, в конце концов с этим ничего не поделать. Если поймешь его назначение, будет польза для духовного совершенствования.

Истинный Путь «не-сознания» не годится для ничтожных людей.

Чаньский наставник Сюэ-доу

Живой смысл

Кто-то спросил Сюэ-доу: «В чем заключается живой смысл чань?» Сюэ-доу сказал: «Горы высоки, моря широки».

Где обрели его?

Кто-то спросил Сюэ-доу: «Как сказано: "Единственный путь на ту сторону не в силах передать ни один совершенномудрый". Где же вы обрели его?» «А я полагал, что ты практикуешь чань», — ответил Сюэ-доу.

Опыт «открытия глаз»

Когда размахивают сверкающим мечом, солнце и луна утрачивают свое сияние; когда ударяет драгоценный посох, земля и небо утрачивают свой цвет. Через этот опыт разрываются кишки у всех демонов; через этот опыт открываются глаза у всех совершенномудрых.

Просветленное восприятие

Когда восприятие просветленно, глаза подобны тысяче солнц, и ничто не может ускользнуть от внимания. Обычно люди не бывают настолько внимательными, но не следует сдаваться и смиряться с крушением надежд, ибо это — недооценка себя.

Истина и мудрость

Мудрые смело хватаются за истину, как только узнают о ней. Не медли ни мгновения, иначе потеряешь голову.

Чаньское учение

Кто-то спросил Сюэ-доу: «Каким образом вы учите?» Сюэ-доу ответил: «Когда приходят гости, полагается встретить их».

Портить похлебку

Жил один чаньский наставник, который во время уединения вовсе не разговаривал со своей общиной. Кто-то из монахов сказал: «Так я понапрасну потратил все время. Я и не ожидал, что наставник будет разъяснять учение Будды; достаточно было бы услышать всего два слова: "абсолютная истина"».

Когда старший монах услышал это, он сказал: «Не спеши жаловаться. Об "абсолютной истине" невозможно сказать ни единого слова». Потом он заскрежетал зубами и добавил: «Бессмысленно было говорить об этом».

Другой старший монах, находившийся в соседней комнате, случайно услышал их разговор и сказал: «Прекрасный горшок с супом, в который нагадили две крысы».

В чей горшок не гадит кто-нибудь один или двое?

Река чань

Река чань спокойна даже в непогоду; вода постоянства чиста даже в непогоду.

Чаньский наставник Хуан-лун

Знание без наставника

Всеобщее тело реальности настолько возвыщено, что его не услышать, если специально прислушиваться, и не увидеть, если смотреть на него. Что касается чистого знания, не имеющего наставника, то как его можно обрести посредством мысли или обучения?

Раскрой глаза

Практикующие должны широко раскрыть свои глаза и не попадать в ситуацию, о которой потом можно было бы пожалеть. Чань нельзя обрести посредством внутренних духовных сил или через какую-то особую практику. Чань невозможно передать через знания или умы просто образованных.

Знание и чувства

Основа чувственного существования — океан знания, являющийся его источником. Субстанция потока существования сознания — тело реальности.

Однако когда возникают чувства, знания ограничиваются, поэтому подлинная реальность остается неведомой в повседневной жизни. Созданные сознанием образы меняются, вещи различаются, и люди склоняются к привычным объектам и не возвращаются.

Путь чань

Путь не требует культивирования — просто не нужно загрязнять его. Чань не требует изучения — самое главное сдерживать сознание.

Когда сознание сдерживается, мысли не возникают. Если Путь не культивируется, каждый твой шаг неотделим от него.

Когда мысли не возникают, нет мира, за который нужно выходить. Когда Путь не культивируется, нет Пути, который следовало бы искать.

Поиск

Бродить по свету в поисках наставников из разных школ — это внешний поиск. Если же принять внутреннюю природу понимания за океан, а молчаливое знание запредельной мудрости за чань — это называется внутренним поиском.

Ищущий вовне обречен на беспросветное утомление; ищущий внутри и опирающийся на сознание и тело обречен на беспросветную привязанность.

Вот почему чань не внутри и не вовне, чань не наличие и не не-наличие, не истинное и не ложное. Как сказано: «И внутренние взгляды, и внешние взгляды неправильны».

Завещание

«Когда чувства, и обыденные, и священные, позабыты, открывается Существование, истинное и вечное. Просто устранись от произвольной вовлеченности и пробудишься к Существованию как оно есть».

Хотя слова эти принадлежат древнему чаньскому наставнику, есть много людей, не разделяющих их. Я многое потерял, просто стараясь распространить их.

Обладает ли кто-нибудь способностью различать? Если обладаешь, распознаешь болезнь «учения Будды» и болезнь «chanь».

Чаньская жизнь

Выпить океан или перевернуть гору — обычное дело для последователя чань. Ищущие чань должны сохранять просветленность во всех тяжелых жизнен-

ных ситуациях и узнавать их подлинную причину, смешиваясь с миром повседневности.

Истинная отстраненность

«Там, где пребывают нынешние люди, меня нет. То, что делают нынешние люди, я не делаю». Правильно понимающий подлинный смысл этих слов может бросить свое тело в море огня.

Золотые цепи

Кто-то спросил Хуан-луна: «Говорят, что тому, кто лишен мыслей и беспокойства, по-прежнему мешают золотые цепи — что тут неправильно?»

Хуан-лун сказал: «Если слово было услышано, его не забудут в течение девяти лет».

Внутри и вовне

Все совершенномудрые с глубокой древности вступали в яму жизни и смерти и попадали в пламя невежества, чтобы вызволить оттуда людей. А что ты? Ты как вступаешь?

Если люди способны вступить, это можно назвать «не гореть в огне, не тонуть в воде».

Если же люди не могут вступить, они не в состоянии помочь не только себе, но и другим.

Чаньский наставник Ян-ци

Утраченное и найденное

Когда тело и сознание чисты, все вещи тоже чисты. Когда все вещи чисты, тело и сознание тоже чисты.

«Монету, уроненную в реку, следует доставать из той же реки».

По-прежнему здесь

Когда отстраняешься от всей вселенной, повсюду темно. Когда освобождаешься от абсолютного, дождь — по времени года, а ветер — умеренный. Но даже если так, мир по-прежнему здесь.

Древнее учение

Кто-то спросил Ян-ци: «Сказано: "Если хочешь избегнуть путаницы в сознании, следует читать древнее учение". Что такое "древнее учение"?»

Ян-ци ответил: «Луна светла в пространстве, волны спокойны в океане».

Его вновь спросили: «Как это понимать?»

«Действуй осмотрительно», — ответил Ян-ци.

Высшая колесница чань

Меня просят разъяснить, что такое «высшая колесница чань», но если речь идет о высшей колеснице, даже совершенномудрые стоят в стороне, даже будды и чаньские наставники исчезают.

Почему? Да потому что вы все точно такие же, как и будды древности.

Но можете ли вы на самом деле верить этому и полагаться на это?

Если действительно можете, давайте разойдемся и отправимся каждый своей дорогой.

Если вы не уйдете, я буду продолжать дурачить вас.

Сознание и явления

Сознание — это способность, явления — это факты, и то и другое подобно царапинам на зеркале.

Когда на зеркале нет ни царапин, ни пыли, чистота зеркала проявлена.

Когда сознание и явления забыты, тогда природа подлинна.

Чань молчания

Кто-то спросил Ян-ци: «Когда первый патриарх чань пришел из Индии в Китай, он сидел лицом к стене целых девять лет — что это означает?»

Ян-ци ответил: «Будучи индийцем, он не мог говорить по-китайски».

Чаньский наставник У-цзу

Учение чань

Чтобы быть чаньским наставником, необходимо «отнять буйвола у пахаря, вырвать еду у голодного».

Когда отнимаешь буйвола у пахаря, урожай его обилен; когда вырываешь еду у голодного, это навсегда избавляет его от голода.

У большинства людей, слышащих эти слова, они в одно ухо залетают, в другое — вылетают. Если отнять буйвола у пахаря, как это может сделать его урожай обильным? Если вырвать еду у голодного, как это может избавить его от голода?

Здесь необходимо обладать способностью отнять буйвола у пахаря и вырвать еду у голодного, а потом нанести удар, чтобы загнать людей в тупик. Потом ты скажешь им: «Благословение не получают дважды, беда не приходит одна».

Нечто неописуемое

В мире есть нечто, не находящееся ни в сфере обыденного, ни в сфере священного. Оно не пребывает ни в царстве лжи, ни в царстве истины.

Зимородок

Когда ни одно, даже самое маленькое облако не омрачает великой ясности на десять тысяч ли, солнце и луна на небе сами собой чисты.

Полководцу не дозволено увидеть великого мира, но полководец может установить великий мир.

Цель чань

Чтобы постичь чань, прежде всего определи направление к высшей цели. Слышание звука и видение

формы непостижимы. Каждую ночь луна роняет с вечного неба свет на каждый дом; отражение ее попадает в тихую заводь, но многие ли знают?

Искать и не находить

Немногие ищащие чань обретают его. Когда-нибудь настанет конец суждениям? Если ты говоришь о высоком и низком, которые основаны на словах, значит, ты еще не пробудился.

Каждый может пройти

Существует дорога к пустоте, по которой каждый может пройти. Те, кто проходят по ней, узнают, что ее богатый вкус вечен. Изначальное сознание не порождает бесполезных растений; тело естественным образом излучает свет.

Разговор о чань

Постоянно говорить о чань все равно что искать следы рыбы в высохшем русле.

Чаньский наставник Юань-у

Назначение чань

Когда пробудившиеся чаньские наставники создавали учение духовного пути, единственным их желанием было очистить сознание с тем, чтобы прийти к его истоку. Исток этот присутствует в каждом во всей полноте, но люди, вследствие иллюзий, отворачиваются от основания сознания.

Мгновенный чань

Если у тебя великие способности и острая проницательность, можешь приступать к чань прямо там, где находишься. Не получая чань от других, ты сам все хорошо поймешь.

Всепроникающий духовный свет и безбрежное открытое спокойствие никогда не прерывались с начала начал. Чистое, лишенное устремлений, невыразимое, полное истинное сознание далеко от материальных объектов и мириада вещей.

Когда сознание всегда чистое и сияющее, как вспыхнувшие одновременно десять солнц, когда оно отстранено от взглядов и вне чувств, и прорывается сквозь преходящие иллюзии рождения и смерти — это то, о чем говорят: «Само сознание и есть Будда».

Эгоистичные «знатоки мира»

Многие «знатоки мира» изучают чань просто как что-то, о чем можно поговорить, что добавит им славы. Они считают свои интересы возвышенными и пытаются использовать чань, чтобы утвердить свое превосходство над другими. Но это лишь усиливает их эгоизм.

Мотивация

Когда изначальные основания для изучения чань неправильны, человек, устав, заканчивает, так ничего и не достигнув. Вот почему древние обычно побуждали людей изучать чань только в том случае, как если бы они находились на грани жизни и смерти.

Спокойствие

Жизнь человека зависит от обстоятельств. Вовсе необязательно отвергать деятельность и искать покоя; просто следует сделать самого себя пустым внутри и гармоничным вовне. И тогда будешь сохранять спокойствие среди множества мирских дел.

Чань в мгновение

В чань тому, кто обладает хорошими способностями и острой проницательностью, вовсе не трудно, услышав раз, обрести тысячу пониманий.

Прочная опора

Необходимо, чтобы опора была твердой и прочной, надежной и непоколебимой. Сохраняя контроль и будучи хозяином над всем, станешь одним со всеми возможными ситуациями, подобно пространству без преград. Когда обладаешь глубиной, незамутненная ясность не исчезает и сохраняется на все времена — только тогда можешь обрести спокойствие.

Изменение методов

Чаньские наставники, обладавшие подлинным видением и обретшие великое освобождение, меняли свои методы на Пути, чтобы уберечь людей от привязанности к именам, формам и умозаключениям.

Цель чань

За столетия чань разделился на различные школы, у каждой из которых свои методы, но цель все та же — вести непосредственно к человеческому сознанию.

Когда основание сознания очищено, не существует никаких препятствий — исчезают взгляды и истолкования, основывающиеся на таких понятиях, как победа и поражение, «я» и другие, правильное и неправильное.

Так ты оставляешь все это позади и обретаешь великий мир и покой.

Открывая сознание

Чань требует открытия сознания и утраты всех ложных знаний и взглядов. Когда ничто не отягощает сознания, и оно очистилось, тогда человек готов к совершенствованию.

Учения будд

Когда будда появляется в мире и излагает различные учения, сообразуясь с наклонностями людей, все учения являются средствами для достижения цели — чтобы прорваться сквозь захваченность сомнениями, сквозь умозрительные истолкования и эгоистические представления.

Если бы не было ложного сознания и ложных взглядов, буддам не было бы никакой надобности приходить в мир и излагать так много учений.

Освобождение

В чань внезапное освобождение к пониманию не может быть ни разрушено, ни поддержано другими людьми. Будь полностью отстраненным, и в один из дней вырвешься, чтобы непосредственно следовать чань.

И тогда используй его по своей воле, действуй по своей воле, и все множество вещей не будет воздействовать на сознание.

Когда все это достигло в развитии зрелости и одновременно освобождено, ты немедленно обретешь спокойствие и утешение прямо там, где находишься.

Чань наполовину

Что труднее всего исправить, так это наполовину обретенный чань, когда человек привязывается к полной неподвижности и полагает, что это и есть высшее сокровище, удерживает ее в своем сердце и с упоением думает о ней все время. Он несет людям нагромождение смешанного знания и понимания, заявляя, что обладает видением и получил подтверждение от чаньского наставника, тем самым только укрепляя собственную эгоистичность.

Чаньское сознание

Те, кто постиг чань, утрачивают суждения, забывают о видении и действии и не имеют субъективных взглядов.

Приверженцы чань просто остаются свободными, они незаметны для всех, будущих ли сторонников или будущих противников.

Они ступают по дну глубочайшего океана, неоскверненные, неотличимые от остальных людей, сознание их свободно, поступки — обычны.

Хотя сознание их ничем не ограничено и они столь совершенны, они не желают оставаться здесь.

Малейшую вещь они воспринимают как гору; все, что кажется препятствием, они немедленно сметают прочь.

Хотя это состояние чистоты запредельного, в нем опять-таки нет ничего, что можно было бы воспри-

нять. Если ухватишься за него, оно превратится в привязанность.

Поэтому сказано: «Дао не ведает о союзе с людьми; когда люди не-сознают, они воссоединяются с Дао».

Как может кто-то пускать пыль в глаза и заявлять, что он постиг чань?

Живые и мертвые слова

Изучай живое, а не мертвое слово чань. Когда обретешь понимание истинного слова, никогда не забудешь его. Если же обретешь понимание мертвого слова, не сможешь спасти даже сам.

Меч смерти, меч жизни

Сказано, что нужен меч смерти, для того чтобы убивать, и меч, дающий жизнь, для того чтобы давать жизнь.

Раз люди были убиты, их нужно вернуть к жизни; раз их вернули к жизни, их нужно убить.

Если используется только тот или иной метод, это — отсутствие равновесия.

Не ищи чань

Если хочешь постичь сокровенную суть чань полностью, прежде всего не ищи ее. То, что обретается в ходе поиска, уже загрязнено субъективными представлениями.

Величайшее сокровище чань всегда открыто и чисто, оно всегда источник силы для всех твоих действий.

Но только когда останавливаешь обусловленное сознание, чтобы достичь точки, где не рождается ни одна вещь, ты прорываешься к свободе, не впадая в чувства и не держась за представления, выходя за пределы всего.

Так, чань очевиден повсюду в мире, а целокупность всего и повсюду превращается в его великое средство.

Все исходит из твоего собственного сердца. Именно это кто-то из древних назвал «выявлением семейного сокровища».

Прямой опыт чань

Чань изначально не цепляется за названия, он прямо указывает на человеческое сознание.

Прямое указание есть указание на то, что скрыто в каждом, хотя и прячется под оболочкой неведения.

Когда в ответ является все сущее, оно ничем не отличается от сущего совершенномудрых, начиная с глубокой древности.

Это то, что называется изначальным чистым непостижимым светом подлинной естественной сущности, которая проглатывает и выплевывает всю вселенную, сама — свободная от всяких чувств.

Только отстранившись от мыслей и отрезав чувства, полностью выйдя за пределы обычных измерений, обладая величайшей восприимчивостью и величайшим пониманием, можно непосредственно испытать это в настоящем.

Обретение чань

Древний наставник сказал: «Те, кто обрел чань, просто всегда остаются свободными, независимыми и лишенными желаний».

Чаньская практика

Останови все мысли в сознании. Хорошо делать это прямо посреди суеты и беспокойства. Когда практикуешь это, достигай последних высот и глубин.

Освобождение

Избавься от всех своих предыдущих образов, мнений, суждений, мирского знания, ума, себялюбия и соперничества; стань подобен мертвому дереву, холодному праху. Когда достигнешь состояния, где заканчиваются все чувства, а сознание чисто и незамутнено, ты открыт к постижению чань.

После чего также необходимо сохранять постоянство, оставляя сознание чистым и свободным от подделок. Если проявляется хоть малейшая неустойчивость, нет надежды выйти за пределы мира.

Двигайся решительно, и тогда будешь спокоен. Если тебя нельзя причислить ни к совершенномудрым, ни к обычным людям, ты подобен птице, освобожденной из клетки.

Решимость

Путь обретается через пробуждение. Первостепенная задача — утвердить решимость: вырваться прямо из оков посредственности к запредельному опыту совершенномудрых — задача отнюдь не легкая. Она требует того, чтобы сознание было твердым, как сталь, дабы оно могло отсечь поток рождения и смерти, принять изначальную подлинную природу, не видеть ничего существующим внутри или вне тебя и сделать сердце совершенно чистым, свободным от скверны, так, чтобы все действия и устремления исходили из основного.

Важная задача

Важная задача в постижении чань — сделать так, чтобы корни были глубокими, а ствол — непоколебимым. Двадцать четыре часа в день помни о том, где находишься и что делаешь.

Когда в сознании не возникают никакие мысли и нет вообще ничего, ты сливаешься с безграничным и становишься абсолютно пустым и спокойным. Тогда поступкам не мешают ни сомнения, ни колебания.

Это называется глубинной сущностью, находящейся прямо под рукой.

Как только у тебя возникнут любые мнения или суждения, и ты захочешь обрести чань и стать наставником, значит, ты уже попал в сферу психического и материального. Ты оказался запачканным обычными чувствами и представлениями, мыслями о выгоде и утрате, правильном и неправильном. Наполовину пьяный, а наполовину трезвый, ты уже не можешь успешно действовать.

Не мешкай

Как только ощущаешь замедление или препятствие, все это — ложные образы. Сделай сознание чистым и свободным, подобным безбрежному пространству, подобным зеркалу, подобным солнцу в небе.

Независимость и объединение

Когда человек свободен и независим, его ничто не связывает, поэтому он не ищет освобождения. Совершенствуя практикование чань, воссоединяешься. Поэтому нет мирских вещей вне учения Будды, и нет учения Будды вне мирских вещей.

Учителя

Сделайте шаг назад, дабы проникнуть в реальность настолько, чтобы обрести недвусмысленно подлинный и истинный опыт пробуждения. И тогда каждой своей мыслью вы будете советоваться с бесчисленными учителями.

Сущность и действие

Полнота, спокойствие, открытость, неподвижность — такова сущность Пути. Расширение, уменьшение, отнятие жизни, дарование жизни — таковы его непостижимые действия.

Крайности

Если ты не обрел ясного подлинного видения, неизбежно будешь впадать в крайности, и тогда утратишь соприкосновение с действительностью.

Инструменты

Слова будд и чаньских наставников подобны инструментам, они — средства для приближения к истине. Если ты полностью пробудился и практикуешь истинное, все учения пребывают внутри тебя.

Тогда учения, проповедованные буддами и чаньскими наставниками, покажутся чем-то наподобие отражения или эха, и ты не будешь носить их в своей голове.

Неправильное использование инструментов

Ныне многие последователи чань не следуют к корням учения, а вместо этого пытаются сбрать высказывания и обсудить их с позиций близости или чуждости, выигрышности или невыигрышности. Они истолковывают временное и преходящее как подлинное.

Снежинки на печке

Необходимо удерживать себя от зависимости от чего бы то ни было, чистого ли, замутненного ли. Тогда сознание и не-сознание, взгляд и не-взгляд будут подобны снежинкам на раскаленной печке.

Не-сознание

Когда внутри ты пуст и спокоен, а вовне отстранен от восприятий, тогда естественным образом обретается всепроникающий опыт не-сознания, означающий, что даже если внезапно что-то происходит, оно не может потревожить твой дух, и даже если на твоем пути всевозможные беды, они не влияют на твои мысли.

Безмятежный отклик

Если ты в состоянии активно откликаться на изменения в сумятице повседневности, оставаясь внутри пустым и безмятежным, и также можешь избегать ослепленности тишиной, находясь в спокойной обстановке, тогда, где бы ты ни находился, там ты и живешь. Только постигшие основное способны оставаться пустыми внутри и сохранять гармонию вовне.

Чаньская жизнь и смерть

Способность говорить зависит не только от языка, умение говорить определяется не только словами.

Пробужденные знают, что на высказанные слова не следует полагаться, так что речи древних чаньских наставников направлены только на то, чтобы побудить людей узреть оковы причинности и обусловленности, составляющих то, что всегда вызывало огромную тревогу.

Вот почему учения буддийских сутр подобны пальцу, указывающему на луну. Если человек отдает себе отчет в этом, он перестанет подходить к учению формально и будет старательно применять это знание, используя его с всеобъемлющей глубиной.

В конце концов он достигнет точки неподвижности, где сможет постичь чань и использовать, то искусно скрывая, то умело передавая другим.

И тогда человек обретет способность проникать за завесу повседневности и устраниться от нее, не оставляя и следа.

Когда же он приблизится к границе жизни и смерти, где жизнь и смерть соединяются, но не смешиваются, он уйдет безмятежно и спокойно. Это — чань встречи со смертью.

Чаньские наставники

Чаньские наставники должны быть исполнены сострадания, мягкости и искусности в привлечении людей; они должны быть беспристрастными во всем, заниматься своим делом и ни с кем ни соперничать.

Как противостоять клевете

Если люди найдут совершенную тобой ошибку и попытаются выставить тебя в неприглядном свете, будут клеветать и чернить тебя, отступи на шаг и присмотрись к себе. Не затаивай ненависти, не вступай в споры, не выходи из себя, не гневайся и не обижайся.

Просто пройди через все это и веди себя так, словно ничего не видел и ни о чем не слышал. В конечном счете злорадствующие исчезнут сами собой.

Если же начнешь бороться с ними, дурная молва пойдет за тобой по пятам, и ей не будет видно конца.

Чаньское пробуждение и практика

Один чаньский наставник древности говорил, что чань подобен обучению стрельбе из лука: только после длительного практикования человек может попасть в яблоко мишени.

Пробуждение переживается в одно мгновение, но практиковать чань следует долго; это подобно тому, как птица вылупляется из яйца голой и тощей, но затем ее вскармливают, у нее вырастают перья, и вот

она уже может парить в вышине и летать на большие расстояния.

Вот почему тем, кто обрел чистое всепроникающее пробуждение, требуется затем хорошая настройка.

Если речь идет о повседневной жизни, в которой задыхаются обычные люди, обретшие чань беспрепятственно проходят сквозь нее, благодаря тому, что они пусты. Так, все становится для них вратами к спасению.

Ложные чаньские наставники

Чаньские наставники, не владеющие методами подлинных учителей, неизбежно лгут и обманывают тех, кого они пытаются учить, сбивают их с толку и водят за нос при помощи занимательных штучек.

Чаньские приемы

Назначение всех чаньских приемов, суждений, высказываний и выражений — в их способности захватить ученика. Единственная значимая вещь — освобождение; люди не должны привязываться к средствам.

Штампы

Хотя великие чаньские наставники не создавали штампов и лозунгов, последователи их в конце концов неправильно истолковали их, превратив даже это в штампы и лозунги — они придумали «штампы не-штампа» и «лозунги не-лозунга». Не следует цепляться за средства как за спасительную соломинку.

Восприятие и отклик

Пока сердце твое не станет спокойным и безмятежным, когда ничто не затрагивает чувств, как ты сможешь безошибочно отзываться на внешнее и постигать вещи еще до того, как они проявят себя?

Подлинная природа и высшая истина

Чтобы постичь чань, необходимо видеть собственную подлинную природу и понимать высшую истину.

Немедленно забудь о чувствах и отстранись от восприятия так, чтобы сердце стало чистым, а сознание — простым, и не сравнивай приобретение и потерю, не устраивай состязания между лучшим и худшим.

Отсутствие беспокойства

Проникай сквозь любые ситуации и не позволяй себе задумываться о том, благоприятны они или враждебны. В конце концов естественным образом достигнешь сферы недеяния и отсутствия беспокойства. Но если появится хоть малейшее желание не иметь тревог, это уже беспокойство.

Гордыня

Если тебя переполняет чувство превосходства и ты гордишься своими способностями, это — беда.

Представления и обучение

Постигать чань умозрительно — все равно что сверлить лед в поисках огня, все равно что выкапывать яму, чтобы посмотреть на небо. Все это только усугубляет умственную усталость. Постигать чань посредством тренировок — значит добавлять тину к грязи, посыпать глаза песком; это создает все больше и больше препятствий.

Проникновение в чань

Люди, обладающие проницательностью и острой зрения, странствуют по всему свету; поистине, им нужен железный позвоночник, ибо они обходят весь мир, воспринимая его как иллюзорный, они держатся непоколебимо и властвуют безраздельно, они не

следуют человеческим чувствам, они проникают сквозь различие между «я» и другими и освобождаются от умозрительных истолкований чань.

Затем, что касается практики, они чутко отзываются на ситуацию и не цепляются за установки. Совершенствуя целеустремленность и постоянство, сохраняя глубокое безразличие, облегчая тело и сознание, они, находясь среди мирской суеты, проникают сквозь нее к свободе.

Опора и постижение

Если сможешь отбросить прежнее знание и понимание, открыв тем самым свое сердце, и не таить ничего в своем сознании, то испытаешь опыт чистой и пустой цельности, где неприменимы ни слова, ни мысли; напрямую сольешься с изначальным источником и погрузишься в бесконечное, без усилий обретя при этом внутреннюю мудрость, не имеющую обретения.

Это называется совершенной опорой и всепроникающим постижением. Тем не менее по-прежнему остаются безграничные, неизмеримые великие возможности и великая практика, которые еще надлежит реализовать.

Ошибочное прошлое

Как только попытаешься гнаться за чань и присвоить его, знай, что ты уже пролетел мимо.

Чаньский опыт

Отбрось все лозунги, которые выучил, и все умозрительные суждения, приставшие к твоей коже и въевшиеся в твою плоть. Пусть сознание станет пустым, не придумывай ничего своего и ничего не делай. Только тогда сможешь обрести чистый, лишенный пристрастий опыт чань.

Но даже если ты достиг такого состояния, необходимо понимать, что еще предстоит сделать то, что за пределами возможностей наставника.

Непосредственный опыт чань

Если ты обладаешь великой восприимчивостью и способностями, необязательно размышлять над высказываниями и историями чаньских наставников древности. Просто с того самого мгновения, когда утром встаешь с постели, сосредоточь внимание и успокой сознание, и тщательно наблюдай за всем, что говоришь и делаешь, и отмечай, откуда это исходит и что тому причиной.

Раз обладаешь способностью проникать вглубь, находясь в средоточии нынешней мирской суеты, то же самое может быть применено к любым ситуациям — к чему тогда избавляться от них?

Потом сможешь выйти за «чань», преодолеть пределы всех измерений и непостижимым образом создать святилище пустоты, покоя и невозмутимости прямо посреди мирских тревог.

Недвойственность

Для того чтобы обрести состояние отсутствия усилий и тревог, вовсе не обязательно отказываться от мирских дел. Следует знать, что мирские дела и отсутствие усилий и тревог вовсе не два различных состояния — но если будешь думать об отвергании и схватывании, разделишь их надвое.

Непостоянство

В сутрах сказано: «Все вещи пребывают в непостоянстве».

Еще сказано: «Пробуждай сознание, не оставаясь привязанным к чему-либо».

Чаньский наставник древности говорил: «Ни о чем ни заботясь и ни за что не цепляйся, принадлежит ли это миру или пребывает вне его».

Если привяжешься к чему-либо, не сможешь отделаться и окажешься неспособным измениться.

Пристрастный чань

Многие образованные люди понимают чань субъективно и не способны освободиться от своей пристрастности. Они останавливают деятельность сознания, не познав его подлинной природы, и полагают, что это и есть пустота. Они пытаются отринуть существование, чтобы уцепиться за пустоту. Поистине, это настоящее безумие.

Исчезновение иллюзий

Необходимо устраниться и от отвергания, и от привязывания, от существования и от несуществования, и стать неотягощенным, совершенно спокойным, пустым и непоколебимым, тихим и невозмутимым.

И тогда можно довериться истинному, чистому, невыразимому сознанию, а когда мирские дела потребуют вовлеченности, заметишь, что сознание не следует за ними.

Добиться этого можно только длительным практикованием, пустым и свободным, дабы рассеять иллюзии и взрастить собственную интуицию.

Изначальное сознание

Когда постигнешь полноту, текучесть и безграничность изначального сознания, как могут чувственные объекты войти в него? Изначальное сознание совершенно свободно, открыто и незамутнено, чисто и

неуловимо; сохраняй его незамутненную ясность и не допускай поверхностности. И тогда оно воспарит так высоко, что не будет ничего над ним, разольется так широко, что покажется безграничным. Чистое и лишенное чего бы то ни было, подобное совершенному шару, изначальное сознание ничем не осквернено и не омрачено.

Чаньский наставник Фо-янь

Чаньская практика

Чаньская практика требует устраниния от мысли. Это — наилучший способ сберечь силы. Просто избавься от эмоциональных мыслей и пойми, что вне сознания мира нет. И тогда поймешь, как практиковать чань.

Сознание и мир

Жил один монах, который отличался тем, что неуклонно придерживался буддийских правил и предписаний. Гуляя как-то ночью, он вдруг на что-то наступил. Раздался хлюпающий звук, и он решил, что наступил на лягушку, высиживающую яйца. Он пребывал в тревоге и печали, ввиду того, что буддийские принципы запрещают отнимать жизнь, а когда он наконец отправился спать, ему приснилось, как сотни лягушек явились к нему, чтобы потребовать его жизнь.

Монах страшно расстроился, но когда наутро он пошел посмотреть, что же это было на самом деле, он обнаружил, что наступил, оказывается, на перезревший баклажан. В этот момент сомнения его внезапно исчезли, и впервые он понял смысл слов, что объективного мира не существует. Так он наконец постиг, как следует практиковать чань.

Чань от рождения

Как можно не понимать собственной природы, когда она от рождения там? Здесь речь даже не об учении Будды — просто нужно добраться до самого существенного.

Я не учу вас избавляться от беспорядочных мыслей, подавлять тело и сознание, закрывать глаза и говорить, что это и есть чань. Чань совершенно в ином.

Вы должны наблюдать за своим нынешним состоянием — какова его причина? Отчего ваше сознание помрачено?

Различение и неразличение

Необходимо постичь неразличающее сознание, не покидая различающего сознания; постичь то, что не имеет восприятия, не покидая восприятия.

Независимость

Для чего вы приходите в чаньскую общину? Вы должны жить самостоятельно и не слушать то, что говорят другие.

Кто это?

Обратите взор внутрь собственного видения — вернитесь мысленно к сознанию, которое порождает мысли. Кто это?

Око сознания

Сознание подобно глазу, который видит всевозможные формы, но не видит себя самого. Свет сознания проникает повсюду и поглощает все, так почему же оно не знает себя самого?

Умозрительные заключения

Как только начинаешь умозаключать, очень трудно понять чань. Прежде чем ты овладеешь чань, необходимо покончить с умозаключением.

Некоторые, слыша подобные разговоры, говорят, что сказать нечего и незачем — они не понимают, что уже умозаключают, когда делают это.

Блуждание по кругу

Отчего ты еще не постиг собственного сознания? Сперва ты загоняешь «свое собственное сознание» в

угол, а затем, используя его, ищешь понимания. Это называется «вгонять гвоздь в пень и бегать вокруг него кругами».

Признание

Пробуждение подобно тому, как если бы ты не был дома много лет, и вдруг видишь на улице города своего отца. Без сомнения, ты узнаешь его. Нет никакой необходимости спрашивать кого-либо еще, твой это отец или не твой.

Чаньское восприятие

Последователем чань может считаться только тот, кто видит еще до того, как проявятся признаки, как возникнут мысли, как пустят ростки представления.

Шаг назад

Следует отступить назад и внимательно посмотреть. Как ты отступаешь? Это отнюдь не то, чтобы сидеть, позабыв обо всем, жестко подавляя тело и сознание так, что они становятся подобными земле или дереву — в этом не будет ничего хорошего.

Когда хочешь сделать шаг назад, если есть какие-нибудь слова, коих ты не понимаешь, или истории, которых ты не в состоянии постичь, — они предстают прямо перед тобой. Сделай шаг назад и посмотри сам, отчего ты не понимаешь.

Сомнение и понимание

Если желаешь постичь чань, вопрошай внутри себя, чтобы знание было глубоким. Если вопрошаешь глубоко, возникнет запредельное знание.

Именно ты

В старину один чаньский наставник, увидев, как по лестнице спускается монах, обратился к нему:

«Почтенный!» Монах обернулся, после чего наставник сказал: «С рождения до старости — именно ты, к чему же поворачивать голову и вертеть мозгами?»

И тут монах пробудился.

В чем же принцип? «С рождения до старости — именно ты». Скажите мне, кто это? Как только возникнет желание увидеть, кто ты, ты перестанешь видеть себя. Трудно видеть себя, очень трудно.

Ныне люди говорят: «Я — это и есть я, кто же еще?» Девяносто девять из ста понимают именно так. О каком понимании идет речь? Если понимать это так, то как понять «с рождения и до старости»? Как можно видеть, что это — именно ты?

Пристрастное отношение

В наши дни люди точно такие же, какими были всегда, и способности их точно такие же, какими были всегда: все время изменяются. Неустойчивы же они потому, что люди делают умозрительные выводы из высказываний чаньских наставников древности, опираясь на пристрастное отношение.

Непонимание

Чаньские наставники древности были настолько сострадательны, что говорили так: «Дела — это дела Будды, сидение — это сидение Будды, все вещи — это учение Будды, все звуки — это голоса Будды». Однако неправильно думать, что все звуки на самом деле есть голос пробуждения, или что все формы — на самом деле формы пробуждения.

Фиксация

В тот миг, когда ты зафиксируешь сознание на том, что «это и есть "оно"», ты немедленно окажешься связанным по рукам и ногам и больше не сможешь двигаться.

То есть как только что-нибудь признается в качестве такового, ничто не может быть правильным, каким бы оно ни было. Если же не цепляться за признание, еще можно спастись.

Это подобно тому, как если сделать лодку и снарядить ее в путешествие к сокровищнице, находящейся за тысячу ли, но если ты воткнешь в землю столб и привяжешь к нему лодку еще до того, как прыгнешь в нее и начнешь грести, то ты можешь грести до скончания времен, и все равно останешься у берега. Лодка будет покачиваться на волнах, а ты — думать, что плывешь, но на самом деле ты не сдвинулся с места ни на шаг.

Знать себя

Я убеждаю людей, чтобы они стремились к пониманию себя. Некоторые считают, что это необходимо для начинающих, и оттого пребывают в уверенности, что это легко. Обдумывайте внимательно, не торопясь — что вы называете своим «я»?

Неправильное применение

Учение Будды — легко понимаемое учение, сберегающее энергию, но люди сами доставляют себе страдания. Древние видели беспомощность людей и советовали им спокойно практиковать медитацию. Совет был хорош, но последующие поколения не поняли смысла того, о чем говорили древние, закрыли свои уши, подавили тело и сознание и, как чурбаны, сидели в ожидании пробуждения. Какая глупость!

Субъективные объекты

Объекты определяются субъективно. А поскольку они различаются произвольно, отсюда проистекает и произвольная пристрастность каждого.

Не-субъективность

Когда видишь, пусть не будет ни видящего, ни видимого; когда слышишь, пусть не будет ни слышащего, ни слышимого; когда думаешь, пусть не будет ни думающего, ни мыслимого.

Учение Будды чрезвычайно просто и позволяет сохранить саму энергию. Просто ты сам тратишь свою энергию и заставляешь себя страдать.

Завеса света

Некоторые старшие чаньские ученики говорят, что они совсем не умозаключают, совсем ничего не высчитывают и не сравнивают, не привязываются к звукам и формам, не цепляются ни за скверну, ни за чистоту. Они заявляют, что священное и мирское, заблуждение и пробуждение — все это одна чистая пустота. Они говорят, что в средоточии великого света нет ничего подобного. Они закрыты светом мудрости, они фиксируют сознание на мудрости. Они неизлечимы.

Испорченный учителем

Второй патриарх чань проповедовал везде, где бы он ни находился, и все, кто слышал его, обретали подлинное знание. Он никогда не устанавливал ничего заданного и ничего не говорил о причинах и следствиях практикования и понимания.

В те времена был один учитель медитации, который послал своего лучшего ученика послушать чаньского наставника. Ученик не вернулся. Учитель был вне себя от ярости и как-то, на одном собрании, укорил бывшего ученика в отсутствии преданности.

Ученик сказал: «Восприятие мое изначально было истинным, но учитель искал его».

Позднее кто-то спросил одного чаньского наставника: «Где пребывает моя сила восприятия?» Чаньский наставник ответил: «Она не приобретается от учителя».

Вот путь постижения чань. Кто-то из древних сказал: «Путь всегда с людьми, но люди сами гонятся за вещами».

Поворачивать вещи

В сутрах сказано: «Если можешь поворачивать вещи, это равнозначно пробуждению». Как можно поворачивать вещи?

Еще сказано: «Все явления иллюзорны. Если видишь, что явления не то же самое, что подлинные качества, видишь, откуда исходит пробуждение».

Чаньский наставник древности говорил: «Если отрицаешь явления таковыми, каковыми видишь их, значит, не ведаешь, откуда исходит пробуждение».

Отступи на шаг, перестань умозаключать и попытайся понять все то, что заключено в этих словах. Если внезапно постигнешь их, как что-то сможет повлиять на тебя?

Что вводит тебя в заблуждение?

Только когда достигнешь такого состояния, где нет ни заблуждений, ни пробуждения, будешь чувствовать спокойствие и сбережешь энергию.

Но для этого необходимо стать тем, кто не имеет заблуждений и не обрел пробуждения.

Двадцать четыре часа каждый день, что вводит тебя в заблуждение? Оцени себя искренне и беспристрастно.

Где не сможешь обмануть себя?

Когда полностью погрузился в медитацию, внутри тебя не должно быть никаких забот и тревог. Попы-

тайся мыслить независимо, полагаясь только на себя самого. Другие люди не ведают, чем ты занят все время. Ты размышляешь над самим собой и видишь, согласуясь с истиной то, что ты делаешь, или нет. Тут ты не сможешь обмануть себя.

Метод внезапного пробуждения

В течение двадцати четырех часов просто не возбуждай сознания и не давай возникнуть мыслям. И тогда сразу же обретешь всеобъемлющее понимание.

Искать, не разыскивая

Если ищешь, чем это отличается от погони за звуками и формами? Если не ищешь, чем отличаешься от земли, дерева или камня? Следует искать, не разыскивая.

Неверное восприятие

Представь, что к носу человека во время сна пристали нечистоты. Когда он просыпается, не подозревая о том, что произошло, он чувствует запах и начинает обнюхивать свою одежду. Полагая, что зловоние испускает его одежда, он снимает ее. Но затем, все, к чему бы он не прикасался, кажется ему вонючим. Он не понимает, что дурной запах исходит от его носа.

Кто-нибудь указывает ему на это, но он не верит. Когда ему говорят вытереть нос, он отказывается.

Он быстрее догадался бы, в чем дело, если бы вытер нос, но когда он в конце концов моет лицо, он обнаруживает, что запах исчез. Потом, нюхая вещи, он ощущает, что они вовсе не источают дурного запаха.

Изучение чань подобно этому. Те, кто не останавливаются и не всматриваются в самих себя, движутся вперед в поисках умозрительного понимания. Погоня за умозрительным пониманием, поиск умозаключений, проведение сравнений — все это неправильно.

Если бы люди обратили внимание на самих себя, они бы поняли все.

Умозаключения

В других местах вас заставляют либо работать, либо сидеть неподвижно. Здесь я не принуждаю вас делать ни того, ни другого. Это легко понять, приложив лишь малую толику усилий; отчего же вы не понимаете? Все из-за ваших бесчисленных умозаключений. Вот что затрудняет ваше понимание.

Обычное восприятие и пробуждение

Как можно приравнивать обычное восприятие к истинному внезапному пробуждению?

Внезапное пробуждение подобно тому, как если бы крестьянин, работая в поле, вдруг нашел бы пиянку бессмертия и, взяв ее, отправился бы на небо вместе со всей своей семьей.

Оно подобно тому, как если бы простолюдина вдруг сделали первым министром.

В буддийском учении сказано, что обычное восприятие подобно глиняному горшку, необожженому и потому не годному для использования. Прежде чем использовать, его следует подвергнуть обжигу. Это подобно внезапному пробуждению.

Чань и пробуждение

Как-то я спросил своего учителя: «Есть ли в чань подлинное пробуждение?»

Учитель ответил: «Как можно обрести чань без пробуждения? Ищи его без спешки и волнения».

Что не так?

Что касается тебя, то с тобой определенно что-то не так, вот почему ты ходишь к другим, чтобы обрес-

ти уверенность. Если бы с тобой было все в порядке, зачем ходить за советом к другим?

Что правильно?

Я прямо указываю, в чем ты прав. Если ты ошибаешься, я никогда не скажу, что ты прав. Я буду ждать до тех пор, пока ты не будешь прав. Я буду соглашаться с тобой только когда ты прав.

Я вижу все. Когда я смотрю на людей, приходящих ко мне, я знаю, пробудились они или нет, понимают они или нет, подобно лекарю, который с первого взгляда распознает болезнь, ее природу и то, можно вылечить больного или нет.

Тот, кто расспрашивает обо всех проявлениях болезни, чтобы понять, что с человеком, — посредственный врач.

Чань в дремоте

Ныне встречаются люди, которые садятся в медитацию везде, где бы они ни находились. Сперва они собраны, но спустя недолгое время просто засыпают. Девять из десяти сидят и дремлют. Если не знать, как следует практиковать, зачем тупо сидеть и ждать понимания?

Постигать чань во время сна и еды

Мой учитель говорил: «Когда засыпаешь, практикуй чань, пока спишь. Когда ешь, практикуй чань, пока ешь».

Подлинный, подражательный и урезанный чань-буддизм

Обычно говорят, что есть подлинное учение Будды, и есть подражание учению и остатки учения. Я

утверждаю, что учение Будды не может быть истинным, подражательным или урезанным. Учение Будды все время присутствует в мире: если ты постиг его, учение истинное; если не постиг, учение подражательное или урезанное.

Границы и ловушки

Не следует создавать границ в безбрежной открытости, но если установишь безграничность в качестве безбрежной открытости — ты сам себя загнал в ловушку.

Вот почему те, кто понимают пустоту, не имеют умозрительного образа пустоты.

Если люди используют слова, чтобы обозначить или описать сознание, они никогда не ухватят сознания, но если они не используют слов для обозначения и описания сознания, они по-прежнему не схватывают сознания.

Выходя за пределы субъекта и объекта

Те, кто обрел пробуждение, выходят за пределы субъекта и объекта. Никакого иного таинственного принципа за этим нет.

Посреди мирской повседневности, когда видишь цвета — это время для пробуждения, когда слышишь звуки — это время для пробуждения. Когда ешь или пьешь — это тоже время для пробуждения. Таким образом, все это — время для пробуждения, когда ты во всем преодолеваешь разделение на субъект и объект.

Пробуждение не требует долгого практикования и не нуждается в культивировании. Оно прямо перед тобой, но озабоченные миром не узнают его.

Поэтому сказано: «Только пробудившись, поймешь непостижимое».

Естественное открытие

Путь очевиден не только после объяснения и приведения примеров, поскольку он всегда показывает себя естественным образом.

Объяснение и примеры есть лишь средства, позволяющие реализовать естественное понимание; они — всего только временные тропы.

Обретешь ли ты пробуждение через объяснение, вступишь ли благодаря примерам или достигнешь цели, опираясь на спонтанное ощущение, посредством индивидуального понимания — в конечном счете не существует ни различий, ни какого-то личного обретения.

Все дело в достижении истока сознания.

Священная корова

Ныне последователи чань полагают, что для чаньской общины важны беседы. Они не понимают, что это — схватывание и отвергание, порождающее образы.

Проверь себя

Следует знать, как проверить себя, прежде чем ты сможешь постичь чань. Из-за загрязненного сознания люди стремятся обрести Путь; они отправляются в леса и горы и ищут учителей, пребывая в ложном убеждении, что есть какой-то особенный путь, дающий людям спокойствие и отсутствие тревог. Они не понимают, что лучшее — это отдавать все силы поиску причин, из-за которых сознание их загрязнено.

Сверхупрощенный чань

Многие люди сегодня полагают, что высший принцип — это мгновенное, подобное зеркалу, знание. Вот почему один древний наставник говорил: «Существует ли оно там, где нет людей?»

Сила Пути

Для каждого, кто постигает Путь, все есть «он сам». Сила его необычайно велика.

Лишь загрязнение бесконечных ложных образов сознания наносит вред этой силе.

Чаньский наставник Да-хуэй

Царство пробужденных

В «Сутре цветочной гирлянды» сказано: «Если хочешь постичь царство пробужденных, сознание твое должно стать чистым, подобно пространству; отстранись от субъективных образов и схватывания, пусть сознание твое не будет знать преград, куда бы оно ни повернулось».

Царство пробужденных — это не внешняя сфера с четкими и ясными признаками; природа Будды — это царство священного знания в тебе самом.

Чтобы обрести ее, не требуется никаких особых качеств, практик или понимания — все, что нужно, это избавиться от психических привязанностей к внешнему миру, которые накапливались в сознании с изначального времени.

Пусть сознание твое будет так же широко, как пространство космоса; убери из сознания все представления, и тогда ложные идеи и образы тоже превратятся в пустое пространство. И тогда не совершающее никаких усилий всепроникающее сознание само собой не будет иметь перед собой никаких преград, куда бы оно ни обратилось.

Повсюду замечать Будду

В «Сутре иветочной гирлянды» сказано: «Не усматривай Будду в одном явлении, одном событии, одном теле, одной земле, одном существе — замечай Будду повсюду».

Будда означает пробуждение, быть пробужденным всегда и везде. Повсюду усматривать Будду — значит видеть природу Будды в изначальном источнике себя самого.

Не существует ни одного времени, ни одного места, ни одного явления, ни одного события, ни одного тела, ни одной земли, ни одной сферы существования, где бы она не присутствовала.

Непрекращающиеся мысли

Практикуя чань, встречаясь с людьми и разрешая дела, не позволяй возникать дурным мыслям. Если тебя врасплох застанет дурная мысль, немедленно сконцентрируйся и избавься от нее. Если же ухватишься за нее и будешь непрерывно следовать за ней, то не только не обретешь пробуждения, но и окажешься в дураках.

Делай свои дела

«Не натягивай чужой лук, не оседлывай чужую лошадь, не заботься о чужих делах».

Хотя это самые расхожие слова, они тоже могут помочь тебе постичь чань.

Постоянно проверяй себя — с раннего утра и до позднего вечера, что ты сделал полезного для других и себя?

Если заметишь пристрастие в своем отношении, прояви бдительность и не пропускай это мимо внимания.

Не-сознание

«Когда не-сознаешь, обрести чань легко». По учению чань, «не-сознание» не означает «нечувствительность» или «неведение». Это означает, что сознание непоколебимо и неподвластно воздействию ситуаций и обстоятельств, в которых ты оказываешься; это означает, что сознание ни за что не цепляется, что оно всегда сохраняет ясность, оно не загрязнено и не зна-

ет преград и ни к чему не привязано, даже к «незагрязненности».

Цель неподвижности

Практикующие чань должны сохранять душевное спокойствие двадцать четыре часа в день. Если у тебя нет никаких дел, все равно надлежит сидеть спокойно, сохраняя сознание бдительным, а тело — ненапряженным.

В конце концов, когда ты глубоко овладеешь этим, тело и сознание сами собой станут безмятежными и спокойными, и для тебя приоткроется путь к чань.

Совершенное молчание сознания необходимо только для того, чтобы привести в порядок рассеянное и помраченное понимание. Но если станешь цепляться за неподвижность как за высшее, окажешься захваченным ложным чань молчаливого просветления.

Исток сознания

Хорошее и плохое порождаются сознанием. Но что ты назовешь своим сознанием, за исключением своих поступков и мыслей? Откуда исходит твое сознание?

Если действительно знаешь, откуда исходит сознание, бесчисленные препятствия, создаваемые твоими собственными поступками, исчезнут в мгновение ока.

После этого, ничего не разыскивая, овладеешь самыми необычайными способностями.

Естественное состояние

Если хочешь сделать пустыми все вещи, прежде очисти собственное сознание. Когда сознание ясное и чистое, все затруднения исчезнут.

Когда затруднения исчезают, сущность и способность пребывают в естественном состоянии. Под «сущ-

ностью» подразумевается ясный, чистый, изначальный исток сознания; «способность» же — это чудесный дар твоего сознания изменять и создавать, вступающий в сферу чистоты или загрязнения, но не подпадающий под влияние чистоты и загрязнения и не привязывающийся к ним.

Адаптация

В древности чаньское учение было иногда отвлеченным, иногда конкретным, иногда оно зависело от определенного времени, иногда было запредельным. Не было никаких раз навсегда установленных правил.

Истинное учение

Если полагаешь, что существуют какие-то облеченные в слова принципы — особые волшебные секреты, которые надлежит передавать, то это не истинный чань.

Истинное учение не может быть передано. Оно доступно лишь тем, кто практикует, и зависит от их способности видеть проницательность друг друга и общаться, не прибегая к словам.

Личное дело

Чань не в тишине и не в суматохе. Чань не в мыслях и различении, и не в повседневных делах. Но даже если так, не следует отказываться от тишины и суматохи, исполнения повседневных дел, мыслей и различения, для того чтобы практиковать чань. Когда глаза твои откроются, ты поймешь, что все это — твои дела.

Чань бури

Многие люди изучают чань в неуемном стремлении постичь его, когда их мирские дела идут не так,

как им того хотелось бы, но потом, как только они добиваются успеха в мире, они тут же бросают чань.

Тишина и покой

Когда ты обрел тишину и покой сознания и тела, не привязывайся ни к тишине, ни к покою. Будь независимым и свободным, подобно тыкве, подпрыгивающей и качающейся на волнах.

Чаньская жизнь

Чтобы обрести пробуждение, вовсе не обязательно отказываться от семьи, бросать службу, есть только овощи, быть аскетом или бежать в тихое спокойное место, а затем отправляться в пещеру призраков мертвого учения и наслаждаться субъективными образами.

Упадок чань

Ныне чань и учение Будды пришли в крайний упадок. Есть много невежественных наставников, не обретших пробуждения и привязанных к хаотичному, недостоверному сознанию. Не обладая подлинными способностями, они берут учеников и учат всех подряд быть похожими на них.

Спокойная медитация

Если практикуешь медитацию, но сознание, когда ты выполняешь повседневные дела, по-прежнему неспокойно и несвободно, значит, медитация еще не завладела тобой.

Если практикуешь спокойствие только для того, чтобы избавиться от волнений, то, когда вновь окажешься в пленау тревог, сознание твое будет омрачено ими, как если бы ты вовсе не занимался медитацией.

Сохранять энергию

Люди невежественны — они не ведают о подлинном «я», они гоняются за вещами и тем самым по собственной воле причиняют себе неизмеримые страдания в своей жажде маленьких удовольствий. Наутро, когда они только наполовину проснулись, когда они еще не открыли глаза и не встали с постели, сознание их уже беспорядочно мечется, захваченное бесполезными мыслями. Хотя ни хорошие, ни плохие дела еще не появились, ад и рай утвердились в их сердцах еще даже до того, как они встали с постели. К тому времени, когда придет черед совершать поступки, семена ада и рая уже пустили глубокие корни в их сознании.

Разве не говорил Будда: «Все свойства чувственных ощущений есть сосуды, обнаруживаемые сознанием. Физические тела есть не что иное, как проявления субъективно воображаемых форм, создаваемых сознанием. Проявления эти подобны течению реки, подобны семенам, подобны светильнику, подобны ветру; каждое мгновение они возникают и исчезают. Безумная деятельность, влечение к загрязненным вещам и алчность — вот причина бессмысленных, обманчивых привычек, которые существовали всегда, подобных непрерывно поворачивающемуся водяному колесу».

Если действительно проникнешь сквозь это, поймешь значение безличности. Ты знаешь, что ад и рай пребывают не где-нибудь, а в сердце наполовину проснувшегося человека, только собирающегося встать с постели — они не приходят извне.

Когда просыпаешься, необходимо быть особенно внимательным. Сосредотачивая внимание, не предпринимай ни малейших усилий для борьбы с тем, что

возникает в сознании. Ибо, пытаясь противиться, теряешь энергию. Третий патриарх чань говорил: «Если попытаешься остановить движение и вернуться к неподвижности, эта попытка стать неподвижным только усилит движение».

Если заметишь, что сохраняешь энергию среди мирской суеты повседневных забот, то именно здесь ты обретаешь энергию, здесь раскрываешь природу будды, здесь обращаешь ад в рай.

Любители чань

Есть такие ученые знатоки, которые считают, что знают все, кроме чань, и тогда они созывают несколько невежественных старых монахов, готовят для них угощение и заставляют их говорить все, что им взбредет в голову. Потом знатоки записывают эту чушь и используют для того, чтобы судить всех подряд. Они торгуют словами и называют это «встречей с чань», воображая, что извлекут выгоду, если им удастся вставить последнее слово.

И если им даже случится прикоснуться к подлинному пониманию, они даже не узнают об этом. Даже если им удастся натолкнуться на истинных учителей, они не будут в этом уверены и не будут искренне искать понимания у наставников. Они, как и всегда, будут домогаться лишь одобрения. Когда же наставники покажут подлинный чаньский «толчок» в любой ситуации, ученые знатоки не осмелятся приблизиться к ним.

Поиск кратчайшего пути

Даже если у тебя одна-единственная мысль — о поиске кратчайшего чаньского пути, считай, что голова твоя уже оказалась в горшке с kleem.

Создавать гармонию

Ныне многие люди практикуют чань стяжательски — это поистине ложное представление о том, что лишено ложных представлений.

Просто сделай свое сознание свободным. Но не будь слишком напряженным и не будь слишком расслабленным — практикуя так, сохранишь неизмеримое количество духовной энергии.

Освобождение

Люди привыкли к умозрительным различиям сознания со времен, о которых они не помнят, они плавают по волнам рождения и смерти и не способны быть независимыми. Если они хотят вырваться из череды рождения и смерти, чтобы с радостью наслаждаться жизнью, они должны совершить решительный скачок, покончив с непрерывным потоком умозрительных различий.

Чаньские секты

В чань нет сектантских различий, но когда ученики лишены широкой, несокрушимой воли, а наставники не имеют широкого, всепроникающего учения, в таком случае то, что они создают, различается. Однако высшее начало чань не имеет таких различий.

Прошлое, настоящее и будущее

Будда говорил: если сознание не схватывает вещи прошлого, не стремится к вещам будущего и не привязывается к вещам настоящего, человек поймет, что прошлое, настоящее и будущее пусты.

Не думай о событиях прошлого, будь они хорошие или плохие, ибо, если думаешь о них, это затрудняет Путь. Не просчитывай будущего, ибо, если про-

считываешь его, лишаешься рассудка. Не фиксируй внимания на делах настоящего, приятны они или неприятны, ибо, если фиксируешь на них свое внимание, они приносят тревогу в твое сознание.

Просто разрешай ситуации постольку, поскольку они возникают, и тогда поступки будут естественным образом соответствовать этим принципам.

Чаньский наставник Хун-чжи

Непостижимость чань

Чтобы постигнуть непостижимость чань, необходимо очистить сознание и погрузиться в безмолвный опыт внутреннего видения. Когда без каких бы то ни было препятствий проникаешь в исток реальности, она открыта и бесформенна, подобно осенней воде, светла и прозрачна, подобно луне, рассеивающей мрак ночи.

Познать себя

Изначальное сознание устранило от объектов, реальность в сущности своей необъяснима. Вот почему чаньский наставник древности говорил: «В нашей школе нет лозунгов и нет учения, которое можно было бы дать людям». В принципе, чань опирается на людей, практикующих самостоятельно и познающих себя; только они могут говорить об этом.

Чаньское сознание

Немедленно смой пыль и грязь субъективных мыслей. Когда пыль и грязь убраны, сознание открыто, сияет чистотой, не имеет границ, не имеет ни центра, ни пределов. Совершенно цельное, источающее свет, оно пронизывает всю вселенную, прорываясь сквозь прошлое, настоящее и будущее.

Оно — внутри тебя, и не приходит извне. Это называется состоянием подлинной реальности. Испытавший его может смело разрешать всевозможные ситуации, происходящие из всех возможностей, какие только можно вообразить, делая это с непостижимым искусством, удивительно действенным и естественно свободным.

Доступность чань

Еще со времен Будды и основателей чань никогда не существовало разделения на монахов и мирян в том смысле, что каждый, переживший достоверный личный опыт подлинного пробуждения, считался приобщившимся к школе просветленного сознания и постигшим суть учения.

Чаньский опыт

Когда человек пуст и обладает спонтанным знанием, чист и спонтанно свободен, он обладает всепостигающим сознанием, позволяющим без всяких усилий ухватиться за подлинное восприятие, он способен различать понимание, будучи неотягощенным бременем обусловленных мыслей. Он выходит за пределы наличия и отсутствия и всевозможных чувственных ощущений. Это состояние переживается только в единении с таким знанием и не может быть получено от другого.

Чаньская жизнь и чаньская деятельность

Повседневная жизнь людей, овладевших чань, исполнена радости и свободы, она подобна облакам, посылающим дождь, подобна луне, отражающейся в ручье, подобна орхидее в темном углу, подобна ростку живых существ. Действия их лишены неловкости, при этом сдержаны и своевременны. Вот как действуют те, кто овладел чань.

Необходимо вернуться к истоку, укрепиться в царстве покоя, погрузиться в царство чистоты, и пребывать в одиночестве, без спутников, и пройти весь путь, по ту сторону будд. Только тогда сможешь полностью постичь центр и пределы, проникнуть до самого верха и до самого низа, свободно убивать и давать жизнь, свертываться и развертываться.

Осень и весна

Когда практикование чань доведено до полного совершенства, не существует ни центра, ни пределов, ни граней, ни окончностей. В великолепии своем оно подобно идеальному кругу и лишено противоречий.

Будь пустым, открытым и незагрязненным, и тогда: «Холод от чистой осенней луны, ее сияющий свет размывает темноту ночи. Изысканное цветение парковых облаков, и мир поворачивается к весне».

Свет сознания

Когда чувственные ощущения не ослепляют тебя, все вещи кажутся светом сознания. С каждым шагом выходишь за пределы, следя путем птицы, не задерживаясь нигде. Весь мир прозрачен, и безграничное знание ничего не сдерживает.

Спонтанное знание

Все царства явлений возникают из одного сознания. Когда сознание неподвижно, явления исчезают. Ведь тогда что «другое», а что «я»?

Поскольку различаемые явления отсутствуют, ничего не определяется, ни одна мысль не возникает — и ты вырываешься за пределы рождения и за пределы смерти; сознание становится источником непостижимого света, круглым и цельным, оно не имеет положения и не оставляет следов. И тогда ничто не может омрачить его.

Состояние, в котором нет загрязненности, называется спонтанным знанием. Сфера спонтанного знания называется подлинным обретением. Ничто не обретается извне.

Овладение чань

Деяния и не-деяние тех, кто овладел чань, подобны плывущим облакам, лишенным ограниченности,

подобны полной луне, отражающейся повсюду. Тех, кто овладел чань, ничто не останавливает: будучи окружеными вещами, они держатся отстраненно; в зависимости от обстоятельств, они занимаются делами, но ничто не омрачает и не сбивает их.

Вне суеты

Когда постигнешь пустоту всех вещей, станешь независимым от любых состояний сознания и будешь вне любых ситуаций. Изначальный свет повсюду; легко используя то, что под рукой, во всем, что бы не повстречалось, видишь чань.

Обладая непостижимым знанием любых обстоятельств, ты пуст и не склоняешься к ним. Повсюду царит ясная и безгранична гармония, подобная ветру, шумящему в соснах, подобная луне, отражающейся в воде. Сознание не возникает и не исчезает, и ты не задерживаешься на явлениях.

Суть в том, чтобы быть открытым и гармоничным внутри, при этом без всякого беспокойства откликаясь на то, что происходит вовне. Будь как весна, что заставляет расцветать цветы, как зеркало, отражающее образы, и тогда без усилий устранившись от всякой суеты.

Обычное состояние

Когда ты «видишь солнце днем, а луну — ночью», когда ничто не обманывает тебя — вот обычное поведение того, кто практикует чань, без крайностей и перепадов. Если хочешь обрести такое состояние, положи конец разрушению и сплетению, постоянно происходящим в твоем сознании.

Просветленное знание

Пробуждение, обретенное буддами и чаньскими наставниками, не было разным; все они достигли точки

прекращения, где отрезаются прошлое, настоящее и будущее и прекращаются все желания, где нет ни одного объекта. Просветленное знание вспыхивает спонтанно, непостижимо проникая в изначальный исток.

Сбросить кожу

Опыт, описываемый как «сбрасывание кожи», выходящий за пределы образов субъективного знания, в котором отсутствуют умозрительные обманчивые представления, не передается даже совершенномудрыми. Обрести этот опыт можно только внутри себя, через глубокое переживание мгновенного озарения. Изначальный свет разрушает мрак, подлинное озарение отражает бесконечное. Все субъективные оценки того, что есть, и того, чего нет, остаются позади.

Чаньский наставник Ин-ань

Чаньское сознание

Сознание последователей чань прямое, словно тетива лука, оно подобно длинному мечу, рассекающему воздух, оно прорывается сквозь смятение везде, где бы они не находились. Земное богатство и положение в обществе, высокомерие и ненасытность, низменные желания, жизненные взлеты и падения — все это не оказывает влияния на них. Слава и выгода, суждения о правильном и неправильном, всевозможные ситуации — ничто не заманит их в ловушку.

Свобода

Когда совершаешь скачок, ничто не может сдержать тебя, никто не в силах призвать тебя обратно.

Уничтожение чань

Некоторые обретают знание и потом цепляются за него, так что их восприятие не свободно. Они говорят о таинственном и возвышенном, ведут людей окольными путями и полагают, что тем самым помогают им. Такие люди уничтожают чань.

Есть и другой тип людей, которые культивируют состояние покоя, так что их сознание и тело отчасти ощущают свет и тишину; затем они упорно сидят там, где нет людей. Когда они слышат, как другие рассказывают о чем-то полезном, они выходят из себя, негодуют и заявляют противоположное — что на пути чань вообще нет ничего, что можно было бы объяснить.

Вот что древний наставник называл болезнью отсутствия ясности везде, где что-нибудь есть. Эта болезнь — самая удручающая.

Есть те, кто, обретая знание, отрицают все — якобы нет ни будд, ни чаньских наставников, ни совершенномудрых. Они отрицают все подряд, делают то, что им вздумается, и называют это «истинным учением».

Подобное другой чаньский наставник древности называл «глубоко постичь пустоту, а потом пытаться отрицать следствия, проистекающие из причин, стать диким и необузданым и навлекать беду».

Есть и такие, кто придерживается рассеянного молчания и ничего не слышит. После трапезы они сидят неподвижно, словно мертвые, и ожидают пробуждения.

Такие люди похожи на комья глины ветхих домов, что находятся высоко в горах или на пустырях. Они, быть может, считают себя буддийскими учителями, наделенными непреходящей мудростью, но на самом деле они лишь без толку расходуют подаяния верующих.

Истинные последователи чань не делают ничего подобного; восприятие их независимо, а в них самих заключена жизнь, выходящая за пределы любого учения, как истинного, так и ложного.

Первый шаг

Начало самосовершенствования — в тебе самом; отправляясь в путешествие в тысячу ли, самое главное — сделать первый шаг. Если способен и на то и на другое, для тебя откроется бесконечный таинственный смысл сотен тысяч учений.

Непостижимость чань

Если говорить о чань, то, когда глаза твои смотрят на юго-восток, внимание твое обращено на северо-запад. Чань невозможно искать без внимания, его

нельзя постичь, сконцентрировав внимание. Его нельзя обрести через беседы, его нельзя понять через молчание.

Нечего ухватить

В чань нет ничего, что можно было бы ухватить. Если люди, изучающие чань, не видят его, то только потому, что они слишком нетерпеливо приближаются.

Если хочешь без усилий постичь чань, просто не сознавай, где бы ты ни находился, двадцать четыре часа в день, до тех пор, пока спонтанным образом не вступишь на Путь.

Когда сольешься с Путем, внутри, вовне или посередине — найти ничего невозможno, ощутишь ледяную пустоту, не зависящую ни от чего.

Именно об этом древние говорили: «Сознание не касается вещей, нога никуда не ступает».

Изначальное учение

В старину чань практиковали и взращивали исключительные люди, ибо не обладавшие пониманием и вспыльчивые люди не могли ни разрабатывать учение, ни придерживаться его. Слова и поступки первых последователей чань уникальны и неповторимы, они не знали, что такое косность, и никогда не считали свое учение окончательным и непреложным.

Чаньское понимание

Прежде всего не утверждай предзданное понимание чань, равно как и не считай чань «не-пониманием».

Это подобно стрельбе из лука: в конце концов достигаешь состояния, в котором заканчиваются представления и забываются чувства, и тогда внезапно попадаешь в цель.

Далее следует также знать, что есть непостижимое, прорывающееся сквозь цель, обретаемое spontанно.

Практика чань

Чань нельзя обрести в ходе бесед, споров и диспутов. Ясно понимать его способны только те, кто обладает огромными способностями к восприятию.

Вот почему в старину последователи чань не тратили понапрасну ни единого мгновения. Даже если они не обращались к наставникам, чтобы установить, истинно нечто или нет, они практиковали чань, и в конце концов достигали зреющей безмятежности. Иллюзии мира не закрывали им свет.

Если сможешь пойти за ними, в какой-то момент ты внезапно повернешь свет своего сознания и сквозь завесу заблуждений увидишь истинное «я». Тогда поймешь, откуда все исходит — земные стремления и иллюзии, мир объектов, форму и пустоту, свет и тьму, принцип и сущность, тайну и чудо.

Когда ясно постигнешь все это, ничто, ни земное, ни неземное, не загонит тебя в ловушку и не посадит в клетку.

Ложное учение, истинное учение

Есть два типа учеников, которые не спасутся. К первому типу принадлежат те, кто в начале своего пути не встретил истинного наставника, кто попал в руки ложных наставников; отравившись их ядом, они полагают, что их обучение чань завершено.

Ко второму типу принадлежат те, что объединяются в чаньские общины и называют себя последователями чань, но лишены правильной основы. Они просто присваивают все, что услышат, полные стрем-

ления прославиться, и говорят только, что это и есть чань, желая доказать это самим себе.

Эти два типа людей смертельно больны, и останутся таковыми до тех пор, пока в один из дней не признают своих ошибок и не освободятся от них.

Но от чего, в конечном счете, людям нужно освобождаться в такой ситуации? Необходимо освободиться от бремени «я» и «другого», от представлений об обретении и потере, о правильном и неправильном, о Будде и учении Будды, о таинственном и чудесном.

Как только сумеешь освободиться, ощутишь, что тело и сознание стали легкими и свободными, чистыми внутри и вовне. Тогда и сердце твое будет всегда чистым. Совершив отчаянный скачок, сможешь освободиться.

Теперь ты готов к совершенствованию. Если будешь цепляться за обретенное знание и считать его окончательным, значит, ты по-прежнему к чему-то привязан. Последователи чань, свободные от условностей, весьма далеки от этого.

Жар и холод

Если продвинувшиеся на пути чань желают отсечь колесо рождения и смерти, они должны отказаться от того, что привыкли считать дорогим, дабы чувства их стали чистыми и незамутненными. Однажды они обретут пробуждение, и тогда колесо рождения и смерти, безусловно, будет отринуто.

Если не практикуешь этого, но, наоборот, жаждешь умозрительного знания, полагая это чудом самосовершенствования, ветер умозрительного знания только усилит жару и холод: нос всегда будет заложен, а в голове будет сплошной туман.

Чань одинокой лампы

Если люди желают постичь чань, пусть они практикуют чань одинокой лампы, освещющей двор смерти.

Не устанавливай никаких границ, полагая, что наверняка сможешь обрести пробуждение к такому-то времени.

Подражательное учение

Есть люди, которые совершают ошибки из-за того, что не понимают метод чань. Одни считают, что сопротивление слишком велико, другие принимают за безусловное правило полную тишину, третьи полагают сочинительство подлинным талантом.

Чаньская жизнь

Чаньский образ жизни — это самый короткий и прямой путь к обретению пробуждения и овладению чань в том самом месте, где находишься, путь, совершенно не требующий усилий.

Но поскольку практикующие чань слишком страстно домогаются цели, они уверены, что должен быть какой-то особый принцип, и потому пытаются описать его для себя умозрительно-субъективным образом.

И тогда обман, порождаемый эмоционально-умозрительным сознанием, уводит их к тому, что создано, а значит, обязательно погибнет.

Они цепляются за придуманные преходящие законы, правила, принципы, образ жизни, как за что-то высшее. Это — серьезная ошибка.

Вот почему сказано: «Не рассуждай о высшей реальности, когда сознание привязано к придуманному и уничтожимому».

Пристрастные взгляды

Многие последователи чань склоняются к пристрастным взглядам, принимая их за высшую реальность или окончательную истину, и даже не верят в то, что может быть что-то лучшее. Но если их подвергнуть настоящей проверке, они не выдержат.

Это происходит в том случае, если им так и не удается повстречать настоящего наставника; и тогда их пробуждение незрелое. Их спутывают цепи «победы или поражения», они боятся быть потревоженными кем-либо и утратить чань.

Некоторые последователи чань утверждают, что все их воззрения правильны, а когда опытные учителя говорят им, что это не так, они полагают их мнение хитрой уловкой, придуманной с целью обмануть их и заставить блуждать по замкнутому кругу.

Эти безумцы останавливаются уже после того, как им только удалось обрести спокойствие. Болезнь их очень тяжела, и по природе своей неизлечима. Поэтому, единственное, что могут сделать ищущие чань, — это всеми силами избегать ее.

Чань сущности

Как сущность видения пребывает повсюду, точно так же обстоит дело и с сущностью слышания. Когда ясно постигаешь все десять направлений, нет ни внутреннего, ни внешнего. Поэтому сказано: «Не прикладывающий усилий ни при каких обстоятельствах сохраняет подлинность и в действии, и в покое». Такая деятельность есть проявление истинной и совершенной мудрости.

Величие

Чаньские наставники древности никогда даже не задумывались о том, чтобы попытаться стать велики-

ми людьми. Только так обретали они способность властствовать над жизнью и смертью, после чего величие устанавливается само собой.

Если только возникнет малейшая мысль о желании овладеть в совершенстве чань, все потенциальные силы исчезнут, и не будет ни единой возможности продвинуться.

Поиск подтверждения

Когда нынешние последователи чань видят почтенных наставников, они не спрашивают их, что делать — все, что они хотят, это услышать, что они обрели какое-то понимание. Они радуются, когда получают признание, не подозревая о том, что, упиваясь собственной радостью, они сами навлекают на себя беду.

Практикование чань в древности

Чаньские наставники древности были теми людьми, кто прежде всего освобождался. Как только они появлялись, они переворачивали небо и опрокидывали землю.

Как они достигали подобного?

Просто мысли их были правильными, и их не могли сбить с пути ни ложные учителя, ни шарлатаны с гипнотизерами, поэтому способности их вырывались из ограниченности и выходили за пределы условностей.

Они не устанавливали отношений со всеми подряд и не цеплялись за преходящее.

Сознание их было, в первую очередь, захвачено жизнью и смертью, но при этом они отнюдь не считали, что есть хоть что-нибудь, что умирает или не умирает.

Вот как трудились древние. Необходимо глубоко постичь их практику и широко ее применять.

После этого можно пройти подлинное чаньское воспитание, даже если ты по-прежнему будешь затерянным среди многочисленных затруднений и изменений.

Нет надобности говорить, что если человек все еще пребывает в состоянии, когда сознание «наполовину светлое, а наполовину темное, наполовину озаренное солнцем, а наполовину залитое дождем», ему не удастся «идти одному в беспредельности», даже если он этого страстно желает.

Чань начинающих

«Пробуждение — за властью слов, и еще никто не обрел его».

Чаньский наставник древности говорил: «В чань нет речей, вообще нет ничего, что можно было бы дать людям».

Другой наставник говорил: «Я не люблю, когда произносят слово "Будда"».

Взгляни, как они просеивали песок и швыряли камни. Это уже само по себе способно ослепить людей. Если по-прежнему ищешь правильную дорогу или пытаешься усмотреть явленную суть в крике, это ничем не отличается от того, как если бы ты поймал крысу и искал бы у нее во рту бивни слона.

Вот почему чаньские наставники древности сохраняли то состояние, при котором за целый день не тратится понапрасну ни мгновения.

Состояние это надлежит поддерживать до тех пор, пока не достигнешь точки, где нечего ухватывать и не за что цепляться.

Затем освободись и сделай сознание пустым и спокойным, ясным и безмятежным, дабы все прежние умозрительные различия, истолкования, неправиль-

ное понимание и неправильное восприятие не проникали в твое сознание и не воздействовали на него.

Вот самый короткая и прямая дорога к Пути. Поступай так, и тогда в один из дней, где бы ты ни находился, отчетливо поймешь, что происходит на самом деле.

Наделение волей

В целом, чань требует сильной и решительной воли, ведь ты собираешься неустанно очищать все свои шесть чувственных ощущений так, чтобы, даже оказавшись в самом средоточии мирских невзгод и удовольствий, ты мог бы пребывать в чистой, лишенной всяких желаний сфере великой свободы.

Непоколебимому и безмятежному, подобному гигантской горе, тебе не ведомы желания и не страшны внешние обстоятельства, тебя не сбьют ничье вмешательство и никакие трудности.

Вот кратчайшая дорога к Пути для наделенного волей.

Непостижимое чаньское сознание

Если хочешь искать непостижимое чаньское сознание, то это очень просто. Отступи на шаг и собери в одно целое все свои силы, оставаясь таким всегда и везде, что бы ты ни делал, даже когда ты ешь, пьешь и разговариваешь, даже когда ты вынужден уделять внимание миру.

Чаньский наставник Ми-ань

Жизненный путь

У каждого человека свой жизненный путь, ведущий на небо. Пока человек не обретет его, он подобен пьянице, который не может сказать, чей путь чей.

Но когда люди обретают этот путь и утрачивают сомнения, тогда уже им решать, каким путем они последуют — они более не зависят от капризных желаний других.

Полное пробуждение

Только когда человек полностью пробудился, и его не заманить ни в ловушку, ни в клетку, только тогда он обрел некоторую свободу. И он может спокойно пребывать в мире, не опасаясь быть затронутым им.

Ложное учение

Многие люди практикуют чань, но встречают наставников, не обладающих ясным пониманием истины. Они говорят что попало и принимают собственные субъективные истолкования чаньских высказываний за окончательные истины. Цель их одна — быть признанными в качестве постигших суть чань. Это — самая тяжелая болезнь.

Неправильная практика

Когда люди упорно практикуют чань, но не обретают пробуждения, тому может быть несколько причин.

Они могут увязнуть в чаньских высказываниях.

Они могут быть прикованы к чудодейственному.

Они могут цепляться за пустую бесформенность.

Сознание их не может отрешиться от чань или учения Будды.

Они могут пытаться отвергать иллюзии ради пробуждения.

Они могли не встретить истинно пробужденного наставника в начале своего пути и таким образом оказались опутанными клубком трудностей.

Сложности эти подстерегают не только начинающих. Даже чаньские наставники древности, глубоко постигшие изначальное сознание и проникшие в подлинную природу, обрели природу Будды, но тем не менее не понимали всей истины.

Путь чань

Путь чань заключается в том, чтобы покинуть настоящее и непосредственно пережить состояние «дорождения», до разделения целого.

Когда сможешь добиться этого, будешь словно дракон в воде, словно тигр в горах. Ты будешь везде и всегда спокоен и безмятежен, будешь свободен даровать жизнь или отнимать ее, естественным образом сможешь «вызывать ветер и шевелить траву» всегда, когда захочешь. Ты не привязываешься ни к какому действию, но при этом не сидишь в бездействии.

Это подобно тому, как если разрезать или покрасить клубок ниток: разрежешь клубок, и все нити будут разорваны, покрасишь его — и все нити изменят цвет. С вершины до самого дна все мироздание представляет собой огромные врата освобождения. Все буддийские истины и вещи мира слились в одно целое — разве осталось еще что-нибудь внешнее, что могло бы явить собой препятствие?

Чаньский наставник Ся-тан

Понимание совершенномудрых

В «Сутре бесконечного света» сказано: «Реки, озера, птицы, деревья и леса — все взвывает к Будде, учению и общине».

В тот миг, когда в понимании исчезают различия, появляется великная мудрость. Это подобно тому, как если выливать воду в океан, как если раздувать мехи на ветру.

Далее, как происходит различие? «Будда» — преходящее название для того, что невозможно увидеть, когда смотришь, для того, что невозможно услышать, когда слушаешь, для того, чье место появления и ухода невозможно найти, если искать.

Оно охватывает формы и звуки, заполняет небо и землю, проникает до самого верха и до самого низа. Нет ни другого взгляда, ни другого человека, ни другой мысли. Оно везде и во всем, оно не есть что-то внешнее.

Вот почему единственный источник всего знания называют «Будда».

Будда не меняется, когда тело исчезает, он всегда там. Но ты по-прежнему не в состоянии использовать то, что всегда там. Почему? Да потому, что: «Хоть золотая пыль и драгоценна, попадая в глаза, она не дает видеть». Хотя природа Будды поистине чудесна, если стремление овладеть ею становиться навязчивым, она превращается в болезнь.

Чаньский наставник прошлого говорил: «Малейшая мысль может заманить в ловушку и вызвать дьявольские поступки; лишь проблеск чувства может привязать навеки. Положи конец обыденным чувственным ощущениям, и тогда не будет надобности искать

какого-то особенного понимания, которое отличало совершенномудрых, — понимание совершенномудрых возникает там, где прекращаются обыденные чувства».

Ломать привычки

Чтобы стать Буддой, необходимо сперва исполниться решимости и уничтожить семена привычек, а потом постичь тайну причины и следствия с тем, чтобы ты не опасался сделать что-то неправильное. Выйди за пределы всех умозрительных объектов, покончи со всеми мыслями. Не позволяй ни хорошим, ни плохим мыслям проникнуть в сознание, забудь и обо всех вещах мира, и об учении Будды. Освободись от сознания и от тела, подобно тому, как скатываются с утеса. Стань, словно пространство, не порождай субъективных представлений о рождении и смерти, не давай проявиться ни малейшим признакам различающего сознания. Если у тебя остались какие-то взгляды, немедленно отсеки их и не позволяй им сохраняться.

Чаньский наставник Юань-соу

Высшая медитация

Если не будешь искренне внимать, назовешь колокол кувшином и неизбежно начнешь нагромождать ошибку за ошибкой, говоря при этом о «Будде», «чаньских наставниках», «сознании» и «сущности». Чем это отличается от нанесения раны здоровому телу?

Подлинные последователи чань видят перед собой только состояние до появления зародыша, до начала различия каких бы то ни было признаков. Это открывает и очищает сознание, так что сознание пронзает всю вселенную. Тогда они неотличимы от Будды и основателя чань.

Это называется высшей медитацией, драгоценностью, переливающейся всеми цветами, неистощимой сокровищницей, вратами к духовной силе, алмазным мечом, крадущимся львом, пламенем — есть разные имена.

И тогда во всей вселенной нет ничего, ни мирского, ни запредельного, что бы стало для тебя объектом, противоположностью, барьером или препятствием.

Средства и реальность

Горы, реки, земля, трава, деревья и леса — все они непрерывно, и днем, и ночью, источают непостижимый, драгоценный свет, издают непостижимый, драгоценный звук, показывая людям непревосходимую высшую истину и разъясняя ее.

И воспользоваться ею ты не можешь только потому, что упускаешь ее прямо там, где находишься, или избегаешь ее, когда сталкиваешься с нею лицом к лицу.

Вот почему учение Будды пришло в мир с множеством методов и тонких разъяснений, с временным и истинным, мгновенным и постепенным, половинча-

тым и полным, частичным и совершенным учениями. Все они — лишь средства для того, чтобы дети перестали хныкать.

Это

Практикующие медитацию в молчаливой неподвижности полагают молчаливую неподвижность чем-то окончательным, но неподвижность не придает этому окончательной формы. Овладевающие искусством среди повседневной суеты удовлетворены повседневной суетой, но это не то, чему можно найти удовлетворение в повседневной суете. Изучающие сутры считают сутры главным, но это не узнать из сутр. Те, кто учатся у наставников и близких, полагают свои занятия глубоким источником, но это не обрести, обучаясь у наставников и близких.

Это бесформенное, неуничтожимое нечто, подобное рыбе, прячущейся в источнике, свободно вспенивающей волны и танцующей по своей воле. Когда ищешь это на востоке, оно оказывается на западе; когда ищешь это на юге, оно оказывается на севере. Оно может дать имя всему, но никто не в состоянии именовать его. Везде и во все времена оно властвует над мириадом форм и управляет мириадом феноменов.

Испорченный учителями

«Единственный путь за пределы» обширен, как десятикратно умноженное пространство вселенной; его нельзя найти сознанием, его не обрести несознанием. Его не достичь с помощью слов, его не постичь молчанием. Самое главное — придерживаться несокрушимой веры и смотреть сквозь состояние, существовавшее до появления зародыша, до различения каких бы то ни было признаков.

Перешагивая через высоты и глубины, избегая всевозможных ловушек, странствуя по всем направлениям, не имея привязанностей и отвращения, совершенно свободный, когда обретешь великую свободу, обретешь и частичную гармонию с «единственным путем за пределы».

Если же опираешься на различия между наставниками и видишь разницу между людьми, значит, ты сбит с толку слепыми учителями и надеяешься Будду, Дхарму, чань, Дао, тайну, чудеса, проявления и состояния конкретным обликом. Так или иначе это приклеивает твой язык, закрывает твои глаза и сжимает твоё сердце.

Подобно маслу, попавшему в муку, состояние это глубоко проникает, пока в конце концов ты не превратишься в демона или призрака и не будешь истощать бесчисленные виды «света» и являть бесчисленные «психические силы», полагая, что тебе нет равных во всем мире. Вот о чём сказано: «Наше восприятие изначально правильно, но его искажают учителя».

Спасение

Непостижимые врата великого спасения есть в каждом. Они всегда открыты, они всегда совершенны. Будды и чаньские наставники приходили в мир и предлагали средства и методы, они придумывали различные ухищрения, используя иллюзорные лекарства для лечения иллюзорных болезней. Так как способности ваши неодинаковы, а знание загрязнено, вы не можете выйти за пределы видимого, как вы видите его, и слышимого, как вы слышите его, и бесконечно скитаетесь в океане страдания, привязанные к нему пристрастиями, пристекающими из невежества, эмоциональными воззрениями и привычными представлениями о «я» и «не-я», правильном и неправильном.

Различные учения и методы будд и чаньских наставников предназначены только для того, чтобы вы самостоятельно погрузились в себя, поняли бы свое изначальное сознание и постигли бы собственную изначальную природу для того, чтобы обрести состояние великого покоя, мира и счастья.

Дурные привычки

В корнях и стволе сознания собрано множество дурных привычек. Если не видеть сквозь них и не действовать, невзирая на них, неизбежно увязнешь на пути.

Спонтанность чань

В учении Будды нет места приложению усилий. В нем все естественно: надевать одежду, чтобы сохранить тепло, принимать пищу, чтобы прекратить чувство голода — и это все. Если попытаешься сознательно помыслить, это не то, о чем ты мыслишь. Если попытаешься сознательно расположить в определенном порядке, это не то, что ты приводишь в порядок.

Средства

Различные учения — это рецепты, выписываемые в зависимости от конкретных болезней, чтобы удалить корни устоявшихся привычек и уничтожить эмоциональные воззрения, чтобы человек мог стать свободным и чистым, незапятнанным и незамутненным, и не сталкиваться с трудностями.

На самом деле нет никакого учения, над которым можно было бы поразмыслить и на которое можно было бы опереться. Если не поверишь в самого себя, значит, соберешь свои вещи и отправишься в дома других людей искать чань, искать Дао, искать тайны,

искать чудеса, искать будд, искать чаньских наставников, искать учителей.

Полагая, что ищешь высшее, ты сделаешь это своей верой, но на самом деле это подобно тому, как если сломя голову бежать на восток, чтобы добыть то, что находится на западе. Чем дальше бежишь, тем дальше удаляешься от цели, и чем больше торопишься, тем позднее достигаешь. Ты просто утруждешь себя, и ради чего же?

Чаньское сознание

Сознание людей, обретших Дао, прямое, как тетива лука. Их не отягощают ни собственные, ни чужие представления о правильном и неправильном, священном и мирском, лучшем и худшем; их не смущают обман, ложь, лесть или хитрость; они спонтанно обретают доступ к сущности сознания, покоящейся в ничто.

По сути, это не «я», не «не-я», не повседневное, не священное, не сознание, не Будда, не вещь, не чань, не Дао, не тайна, не чудо.

Только из-за субъективности различения и разграничения, приятия и неприятия в голове вдруг появляется столько представлений, и мириады объектов непрерывно гоняют тебя по кругу, не давая обрести самостоятельность и свободу.

Послесловие составителя: размышления об искусстве быть свободным

Кто-то попросил одного из первых чаньских наставников показать ему путь к освобождению.

Чаньский наставник спросил: «Кто связывает тебя?»

Ищущий свободу ответил: «Никто не связывает меня».

Чаньский наставник сказал: «Зачем же тогда искасть освобождения?»

Освобождение человеческого сознания от переполняющих его последствий самогипноза — в этом сущность дзэн/чань-буддизма. Такое освобождение рассматривается, с одной стороны, в плане снятия с сознания мешающих ему и совершенно ненужных ограничений, а с другой — в высвобождении «огромного потенциала и огромной силы», таящихся в неизвестных сферах сознания за пределами этих ограничений. Первые чаньские наставники возродили учение Будды о том, что именно освобождение, а не приверженность традиции или условиям, является истинным критерием духовной самодостаточности.

В современную эпоху принято говорить о зависимости преимущественно в социальном, политическом или экономическом смысле. Эмоциональная же, интеллектуальная и более тонкие формы зависимости обычно ассоциируются с побочными эффектами или вторичными продуктами более очевидных форм угнетенности, осязаемых в материальном или институциональном плане. Зависимость часто рассматривается, в первую очередь, как нечто налагаемое извне, в то время как ее внутренние проявления считаются реакцией на внешние условия или приспособлением к ним.

Буддийская мысль, со своей стороны, видит в человеческом сознании главный источник зависимости, устанавливаемый либо самим субъектом, либо другими людьми. Если это действительно так, то понятно, почему все социальные либо реформаторские движения, стремящиеся объяснить причины зависимости, рабства или несправедливости, никогда не добиваются полного или окончательного успеха, если им не удается правильно определить источник такого положения вещей. История дала немало примеров, когда борцы за политические свободы, в свою очередь, становились угнетателями; когда общественные организации, изначально созданные для того, чтобы защищать права человека, в конце концов узурпировали эти самые права; когда социальные институты, по природе своей призванные помогать людям в преодолении невежества, оказывались не более чем средством для заключения умов в темницу предписываемых убеждений.

Согласно дзэнскому/чаньскому учению, жажда свободы, осуществляемой в психологическом, политическом или религиозном плане, уже сама по себе может связывать человека. Буддизм настаивает, что подлинная свобода возможна, даже если она достигается за счет тех самых мифологем и иллюзий, которые однажды вдохновили на стремление к ней. Буддисты считают сознание не только источником зависимости, но и источником пробуждения. Они убеждены, что в сознании скрыты непредставимые способности к самосовершенствованию, окутанные оболочкой беспокойности повседневными заботами и тревогами.

Кто связывает нас? Буддизм утверждает, что мы сами опутываем себя сетью индивидуальных и коллективных идей, слов и поступков. Причем это отно-

сится ко всему, от человеческих неврозов до массовых репрессий, от навлекаемого на самого себя страдания до страдания, насыщенного людьми на своих соседей. Более того, считается, что эти самые идеи, слова и поступки проистекают из ментальных состояний, на бессознательном уровне делающих их возможными и поддерживающих их существование.

Поскольку данные состояния, по природе своей тщательно оберегаемые собственной субъективностью, редко подвергаются сознательному критическому анализу, начало зависимости, от развития характерных склонностей, пестуемых внутренними предубеждениями, и их укрепления, к которому они тяготеют, называется в чаньской терминологии «связывать себя веревкой».

С чаньской точки зрения главная проблема, скрывающаяся за различными проявлениями зависимости, — фундаментальное невежество. На классическом чаньском языке это называется «принимать слугу за господина, принимать гостя за хозяина». Даже такие очевидные формы зависимости, как политическое и экономическое порабощение, рождаются и много-кратно повторяются из-за подчинения человеческого сознания идеям, словам и поступкам. Буддизм признает внушаемость и обуславливаемость сознания, отсюда поговорка: «Будь хозяином сознания, а не слугой сознания».

Поскольку признается, что о той абсолютно объективной реальности, что полностью выходит за пределы полагающего ее сознания, нельзя сказать ничего, буддизм стремится к максимально возможной объективности в понимании человека, объективности, свободной от предубеждений и предрассудков, отравляющих человеческие отношения и не дающих людям

видеть самих себя такими, какие они есть. Для достижения этой цели буддизм анализирует, со всевозможных точек зрения, взаимоотношения между субъективным и объективным, дабы установить границы того, что может быть известно о реальном и истинном.

Пока человек не обретет такой способности к критическому разграничению, пробуждение невозможно. Людям может показаться, что они освободились, когда на самом деле все, что произошло, — это появление беспокойства иного рода. Они могут считать свои действия оправданными и справедливыми, хотя в действительности лишь только они сами убеждены в собственной правоте, а чувство убежденности на самом деле есть единственное, чего они желают. Опять-таки, люди могут считать себя свободными совершают любые поступки, думать и говорить, хотя все это на самом деле не удовлетворяет их и не приводит к внутреннему росту; они, говоря языком чань, переполнены, но не совершенны. Людям может казаться, что сознание побуждает их действовать таким образом, что они не достигают того, что рисовали в своем воображении, поскольку они не в состоянии управлять своей волей и знанием, эхом которых являются их порывы. Все проблемы психологической и духовной неадекватности подвергаются чань-буддизмом строгой и тщательной проверке. Чань стремится к реальной свободе, а не к образу свободы.

Чань-буддизм давно подметил, что все, что стимулирует людей и дает им мотив к действию, в экономическом ли, политическом, социальном, психологическом или религиозном плане, на самом деле может препятствовать удовлетворению тех самых нужд и желаний, что побуждают их. Однако это, говоря чаньским языком, означает не что объект сам по себе

способен уничтожить все что угодно, но что индивидуальное представление об объекте и отношение к нему не выдерживают проверки.

Здесь — краеугольный камень чаньского подхода к освобождению. Кандалы нищеты и рабства видны каждому, и не трудно найти согласие в общем сочувствии к тем, кто в них пребывает. Однако зачастую люди — и целые народы — закованы в кандалы, которые они на самом деле высоко ценят. Как говорил один наставник, людям очень трудно увидеть что-либо неправильное в том, что они любят, или что-либо хорошее в том, что они ненавидят. Другой чаньский наставник отмечал, что хорошо знакомое в целом есть то, что люди склонны любить. Это означает, что пристрастия и склонности, заставляющие людей в данный момент времени чувствовать себя весьма комфортно, могут в каком-то смысле быть удобными для них, но на самом деле они препятствуют реализации их огромных возможностей к развитию и совершенствованию.

Чань-буддизм, как и его древний предшественник даосизм, давно пришел к выводу, что одна из укоренившихся привычек, противоречащая истинному прогрессу в развитии как общества, так и личности, — это желание быстрых и очевидных результатов. Бесчисленные исследования показали, что результаты поспешности в социальной и политической сфере сродни последствиям нетерпеливости в психологии, а в итоге — депрессия, возмущение, сожаление, тоска, в конечном счете поглощающие все возможные временные приобретения. В этом процессе, после того как эмоции иссякли, остается лишь набор умозрительных догм, по природе своей таких же неэффективных, как и сами эмоции.

Например, подчас спрашивают, почему, несмотря на наличие огромного избыточного богатства и высокоразвитой правовой и управлеченческой системы, сохраняются такие явления, как массовый голод и угнетение. В поисках решения этой головоломки, политолог может, в первую очередь, сконцентрироваться на столкновении противоположных материальных интересов и отрицательной роли посредников. Общество вед для объяснения особенностей запутанных социальных моделей может выдвинуть теории, сводящиеся к особенностям культурного и исторического развития. Однако приверженец чань-буддизма должен был бы беспристрастно оценить всю совокупность различных причин и условий, не выбрасывая ни одного в силу собственных эмоциональных предпочтений.

Для обретения истинного понимания того, что на самом деле возможно в конкретной ситуации, будущий «пробужденный» мог бы устраниться от внушаемых идеалов и пожертвовать сентиментальностью и состраданием. Это один из моментов «великой смерти», к которой стремятся последователи чань, для того чтобы очистить сознание и в безличностной и беспристрастной манере определить то, что перед ними, с тем, чтобы начать новую жизнь, неотягощенную бременем прошлых иллюзий.

Одна из самых привлекательных иллюзий последнего времени выражена в весьма популярной мифологеме, согласно которой свобода может быть завоевана и сохранена с помощьюенным образом разработанной системы организации общества и управления им. Хотя в конкретных условиях одна система может оказаться более действенной, нежели другая, тем не менее факт остается фактом: люди по-прежнему создают системы и оперируют ими, ставя тем самым

индивидуальное развитие человека в зависимость от процесса улучшения социальных условий. Буддийская политическая мысль принимает это как само собой разумеющееся.

Упор буддизма на индивидуальное освобождение, причем даже в тех школах, чьей заявленной целью является освобождение всеобщее, повлек за собой возникновение неверного представления о буддизме как о социально пассивной и даже эскапистской религии. Хотя пассивность и эскапизм, как подтверждают источники, являются искаженной формой некоторых практик, они далеки от духа буддизма. Всеобщему благу придавали немаловажное значение даже те школы, которые говорили преимущественно о личном освобождении; освобождение конкретных людей рассматривается как неотъемлемая часть благосостояния общества, ибо оно устраниет источник конфликтов и побуждает людей трудиться ради других, не отвлекаясь на удовлетворение личных амбиций.

Согласно буддийскому учению, даже простое проявление великодушия не может считаться подлинно таковым, если к нему примешиваются личные чувства, пусть даже это желание дать что-либо или удовольствие от самого даяния. Это не значит, конечно, что буддисты отказываются от социально направленного действия до тех пор, пока не будет обретена максимальная объективность, но они не прибегают к подобному действию для успокоения своих собственных чувств. Скорее, они используют такое действие в качестве способа познания, а знание — для руководства действиями. Согласно «Книге десяти ступеней» «Сутры цветочной гирлянды», одного из основных текстов для всех буддистов, когда практикующие доходят до такого этапа, на котором они совершенству-

ют медитацию, они «практикуют все существующее в мире, что может принести благо чувствующим существам». Среди самых разных видов деятельности, упомянутых в тексте, мы видим письмо, преподавание, математику, естественную науку, медицину, изящные искусства, инженерное дело, садоводство и психологию.

История азиатских стран сохранила следы трудов буддистов во многих сферах: культурной, социальной, экономической и политической. Об их вкладе в изящные и прикладные искусства, литературу, философию, медицину и образование известно достаточно широко. Буддисты также сыграли важную роль в освоении земель и охране лесных, водных и человеческих ресурсов, равно как и в развитии банковского дела, торговли, ремесел, гостиничного хозяйства, средств сообщения, печатного и издательского дела. Буддисты принимали участие в управлении государством на всех уровнях, особенно в местной администрации, но порой и обрушивались на государственную машину извне, добиваясь массовых амнистий для политических заключенных и даже возглавляя вооруженные восстания против деспотических режимов. Буддисты создавали также в клановых обществах традиционной Азии общественные фонды, воспользовавшись которыми, женщина, например, могла добиться развода, а также первые приюты для сирот.

Западные исследователи далеко не всегда замечают общественную деятельность буддистов прошлых столетий, полагая, что в ней неизменно огромное место занимали самореклама, а также создание официальных или квазофициальных институтов и организаций для выполнения подобных функций. Буддизм, в своем подлинном смысле, признает текучесть событий, и утверждения и действия буддистов всегда име-

ли конкретный характер, даже если они основывались на всеобщих принципах или на самом высоком понимании «человечности». Чань-буддизм особенно строго предупреждает о недопустимости попыток институционализации «хорошего» или «священного», ибо вокруг подобных представлений выстраиваются чувственные привязанности, а из них, в свою очередь, вырастает лицемерие.

Буддизм ставит перед индивидуумом, как и перед обществом в целом, проблему «я» и сознания, не делая поправки на эскапизм, будь то эскапизм посредством нигилизма и квиетизма или через вовлеченность в такие общественные движения, которые поставляют человеку готовые идеи, заданные формы деятельности и интересы, давая тем самым ему возможность «забыть себя». Буддийская литература переполнена замечаниями об опасности соблазнительных заблуждений, к которым приводят эти попытки уйти от ответов на вопросы о «я», сознании и истинной реальности. Но при всем при том именно эти формы эскапизма вследствие своей заметности часто по ошибке принимают за подлинный буддизм и не считают отклонением от него.

Первый шаг на буддийском пути к освобождению — определение причины зависимости. Как гласит чаньская мудрость: «Ответ содержитется в вопросе». Умение задавать полезные вопросы является ключом к чань. Впрочем, пословица также говорит: «Вопрос содержитется в ответе». То есть недостаточно просто знать ответ, необходимо воплотить его в жизни. Таким образом, встает проблема: как применить ответ в конкретной жизненной ситуации?

В положении, открывающем «Дхаммапада», быть может, древнейшее письменное изложение учения

Будды, вопрос о зависимости представлен в своей классической форме, в которой вопрос и ответ явно содержатся друг в друге: «Все основано на сознании, направляется сознанием и оформляется сознанием. Если говоришь и действуешь с загрязненным сознанием, страдание будет неотступно следовать за тобой, как колеса повозки движутся по следам буйвола. Все основано на сознании, направляется сознанием и оформляется сознанием. Если говоришь и действуешь с чистым сознанием, счастье будет следовать за тобой, подобно тени, неотделимой от формы».

Следуя этой основной теме, «Сутра цветочной гирлянды», наиболее обстоятельный из всех буддийских текстов, говорит: «Сознание подобно художнику, умеющему рисовать миры». Сопоставляя возможности оформляемых сознанием миров, текст продолжает: «В некоторых землях нет света; они темны и наполнены страхом и болью, подобной той, что возникает от ранения оружием. Видящие их сами страдают... Некоторые миры устрашающи, в них голоса вопиют о боли, жалобные и неистовые, приводя в трепет всех, кто слышит их... В некоторых землях раздаются небесные голоса разных богов, чистые звуки небесных сфер или голоса властителей миров».

А вот более подробное описание причинности в «Десяти ступенях»: «Из-за постоянной привязанности к ошибочным взглядам; из-за того, что сознание окутано мраком невежества; из-за гордыни; из-за умозрительных заключений; из-за умозрительной фиксации желаний, пойманых в сеть устремлений; из-за надежд и следующих за ними действий, погрязших во лжи и обмане; из-за поступков из зависти и ревности, порождающих привязанность к мирскому; из-за множества поступков, изобилующих страстью, ненави-

стью и глупостью; из-за пристрастного сознания, опутанного заблуждениями; из-за привязанности истоков сознания, разума и совести к изобильному потоку похоти, существования и невежества — вот из-за чего недалекие люди возвращают ростки последующих жизней в мире».

На протяжении столетий чань-буддизм развивал науку свободы, изучая психологические основания ограниченности и развития, как возвышенные и способные познавать, так и приземленные и грубые и не способные познавать. Однако наука эта не была создана чаньскими школами, ибо чань-буддизму было открыто чрезвычайно богатое наследие результатов поиска духовной свободы в индийских, центральноазиатских школах и школах Юго-Восточной Азии. Тем не менее, в зависимости от конкретных условий, наука освобождения всегда оставалась в большей или меньшей степени эзотеричной, и происходило это по трем главным причинам: во-первых, по самой своей природе она труднопостижима для обусловленного сознания; во-вторых, из-за возможности ее неправильного использования; и, наконец, в-третьих, потому, что люди, определявшие идеологию и традицию и потому естественным образом оказывавшие значительное влияние на общество, не могли не видеть таящейся в ней угрозы своему положению.

Согласно традиции, поколения первых чаньских наставников пересмотрели принципы и практики этой науки и зашифровали ее в необъятном множестве историй, афоризмов и стихов, для того, чтобы уберечь саму науку и добиться цели, которую она ставит, — духовной свободы. На самом деле, что-то чаньское есть во всех буддийских школах, равно как и в самом чань-буддизме можно отыскать элементы учений всех

буддийских школ. Несмотря на многочисленные теоретические и методологические различия, там, где речь идет о реализации главной цели — свободы, — существенных различий быть не может.

Основы символического чаньского языка были разработаны в течение первых трех-четырех столетий существования школы в Китае. За этот период многие из основополагающих учений и подходов оформились в собрания историй о жизни ранних чаньских наставников. Среди них, например, выделяется фигура непостижимого Бао-чжи, нищенствующего учителя медитации, обладателя необычайных достижений, предпочитавшего учить глубоко символическими поступками и лаконичными фразами, из-за которых его то сажали в тюрьму за «смущение умов народа» волшебной силой, то приглашали ко двору для просвещения императора. Он был одним из первых представителей школы, кто оставил сочинения, высоко ценимые чаньской традицией.

Есть и предание о Фу Шань-хуэе, бедном крестьянине и мирянине, который благодаря самостоятельным занятиям и собственным усилиям обрел высшее сознание и стал знаменитым филантропом, наставником и общественным деятелем. Он известен тем, что обратил в буддизм многих своих родственников и земляков, а также своими необыкновенными актами милосердия. Он даже пытался добиться аудиенции у императора, намереваясь дать ему некоторые советы по исправлению царивших нравов, но получить аудиенцию ему никак не удавалось по причине низкого социального происхождения до тех пор, пока за него не вступился при дворе Бао-чжи, наслышанный о просветленности Шань-хуэя.

И Бао-чжи, и Шань-хуэй — весьма примечательные фигуры в чаньской традиции; они не принадле-

жали ни к одной устоявшейся школе, но являли собой образец свободы и независимости. Даже существовавшие между ними самими глубокие различия типичны для чань-буддизма, ибо, как гласит поговорка: «Если бы все волны чаньской реки походили одна на другую, бесчисленное множество простых людей увязло бы».

По преданию, и Бао-чжи, и Фу Шань-хуэй встречались с Бодхидхармой, которого обычно считают основоположником чань-буддизма и одной из наиболее значимых фигур, олицетворяющих чаньскую традицию. Согласно ей, Бодхидхарма был индийским принцем (как и сам Будда), и презрел жизнь в роскоши ради поисков подлинной реальности. По легенде, он учился у первого индийского буддийского наставника того времени. Наставник, продолжает история, велел Бодхидхарме через шестьдесят семь лет после своей смерти отправиться в Китай. Так, уже на склоне лет, Бодхидхарма отправился морем из южной Индии в Китай, чтобы выполнить предназначенную ему миссию.

Бодхидхарма, как представляет традиция, провел четкую грань между социокультурными манифестациями религии и высшим пониманием чань-буддизма. Дабы преодолеть значительные культурные различия между Индией и Китаем, он прибег к буддийской доктрине сознания, прорывающейся сквозь национальные и исторические особенности к сущности человеческого сознания. Уже значительно позднее учение его называли «прямым указанием на человеческое сознание, призванным проникнуть в его природу и помочь пробудиться».

Учение о сознании — весьма полезный инструмент для понимания того, чем, собственно, занимает-

ся чань-буддизм, и это одна из причин, по которым оно традиционно связывается с основоположником чань Бодхидхармой. Согласно этому учению, вещи имеют три природы: воображаемую, относительную и абсолютную. Сущность и практика чань лежат как раз в этих трех природах и их взаимодействии.

Воображаемая природа вещей определяется постолику, поскольку мы воспринимаем эти самые вещи, поскольку мы субъективно представляем их. Воображаемую природу можно узнать из того, что мы думаем и говорим о вещах. Таким образом, воображаемая природа обусловлена историей и традициями как культуры в целом, так и конкретного индивида.

Относительная природа вещей есть природа феноменов, поскольку они существуют только во взаимоотношении друг с другом. Согласно учению, подлинная реальность вечного взаимодействия взаимопроникающих условий полностью выходит за сферу человеческого понимания, ибо все виды понимания являются умозрительными образами, наложенными на нее, а не на сами вещи.

Абсолютная реальность, утверждает учение, — это пустота реальности, или высшая не-реальность воображаемой природы вещей. Она также может быть описана как относительная природа вещей, лишенная подлинного соответствия своей воображаемой природе. Чаньский наставник классического периода Бай-чжан говорил: «Если поймешь, что между чувственным восприятием и внешним миром нет никакой связи, освободишься мгновенно».

Доктрина сознания утверждает, что абсолютную реальность можно наблюдать, но только не с помощью обычных чувственных восприятий или мысли. Буддийские тексты, анализирующие понимание уч-

ния Будды людьми, говорят, что как только учение излагается до этого момента, обязательно появляется представление, что цель буддизма — уйти от фикции воображаемой реальности для того, чтобы соединиться с высшей природой абсолютной реальности. Как утверждают тексты, подобное непонимание ставит перед практическим буддизмом одну из главных проблем. Об этой проблеме часто упоминают чаньские сочинения.

В соответствии с учением о сознании, воображаемая реальность настоящего включается в доступное пониманию измерение относительности реальности будущего. Проще говоря, взгляды и отношения обуславливают поступки, оказывающие влияние на окружающий мир, который, в свою очередь, тоже воздействует на взгляды и отношения, цель постижения абсолютной реальности вовсе не в том, чтобы уничтожить реальность воображаемую, но в том, чтобы обрести свободу действия и сознательно изменять ее, а не просто укреплять силой ставших автоматическими привычек и склонностей.

«Сандхинирмочана сутра», канонический текст школы «Только Сознания», говорит, что основной путь к познанию абсолютной реальности — это непривязанность к реальности воображаемой. Чаньские положения о «не-сознании», «не-мысли», «остановке сознания» и так далее — все это описание опыта освобождения от образов мира с тем, чтобы получить возможность прикоснуться к абсолютному. Вот почему чань-буддизм отвергает простое опустошение сознания, ибо подобное состояние есть лишь другой образ, а вовсе не устранение от воображаемого.

Одному из первых чаньских наставников часто приписываются такие слова: «Сперва вы отправляе-

тесь по ту сторону (к абсолютному), чтобы убедиться, что оно существует, а затем возвращаешься сюда (к относительному, как оно обычно воспринимается), чтобы действовать». На каком-то этапе, когда позади уже есть определенный опыт, непосредственное знание абсолютного сменяет медитацию в качестве средства контроля за привязанностью к воображаемой действительности.

Перед обретшим принесенную пониманием свободу последователем чань-буддизма открываются куда более дальние пределы осознавания относительной реальности, чем те, что ограничены закрытой системой взглядов и представлений. Что предоставляет большие возможности для эффективного преображения или реконструкции воображаемой реальности, причем такого преображения, которое позволит привнести улучшение и в относительную реальность будущего.

В буддийской школе Хуаянь, оказавшей влияние на формирование чань, этот двусторонний процесс описывается в терминах «возвращения объектов к сознанию» (понимание того, что образы суть порождения ума) и «постижения подлинной пустоты» (вымышленная природа образов), а потом — «выбрасывания объектов из сознания» (разработка жизнеспособных и созидательных образов) и «постижения предельного существования» (конкретизация мысли в действии).

Каждый из этих этапов требует особых практических указаний, или естественных законов, для воздействия на абсолютное и относительное, которые во множестве и в разных формах представлены в обширном буддийском каноне. Одно из наиболее ярких описаний принципа абсолютного, проясняющее и ба-

зовые характеристики чань-буддизма, мы находим в «Сандхинирмочана сутре». Согласно сутре, Будда сказал: «Высшая истина, о которой я говорю, это та, которую внутренне постигали мудрые, а сфера мысли и обдумывания — это то, в пользу чего непробудившиеся люди свидетельствуют промеж себя. Поэтому необходимо знать, что высшая истина лежит за пределами всех объектов мысли и обдумывания. Высшая истина, о которой я говорю, не имеет формы, на которую можно было бы указать, в то время как мысль и обдумывание действительны только в царстве форм. Поэтому необходимо знать, что высшая истина лежит за пределами всех объектов мысли и обдумывания. Высшая истина, о которой я говорю, не может быть выражена в словах, тогда как мысль и обдумывание действительны только в царстве слов. Поэтому необходимо знать, что высшая истина лежит за пределами всех объектов мысли и обдумывания. Высшая истина, о которой я говорю, не имеет воплощения, тогда как мысль и обдумывание действительны только в царстве воплощений. Поэтому необходимо знать, что высшая истина лежит за пределами всех объектов мысли и обдумывания. Высшая истина, о которой я говорю, прекращает все споры, в то время как мысль и обдумывание действительны только в царстве споров. Поэтому необходимо знать, что высшая истина лежит за пределами всех объектов мысли и обдумывания».

Вот почему чаньские наставники классического периода настаивали на том, что их учение невозможно понять и обрести, опираясь на обыденное понимание. Далее сутра показывает, как привычки и пристрастия сознания препятствуют пробуждению возвышенного бесформенного восприятия и знания, раскрытию которых и призван способствовать чань-

буддизм: «Тот, кто за свою жизнь привык к острому и горькому, не может ни представить, ни оценить, ни даже поверить в сладость меда или сахара. Тот, кто в своем невежестве интересуется только своими желаниями, съедаемый неутолимой жаждой всего и потому сгорающий от возбуждения, не может ни представить, ни оценить, ни поверить в великолепие блаженства освобождения от привязанностей и стирания в себе самом чувственных ощущений. Тот, кто в своем невежестве погряз в словах и привязан к краснобайству, не может из-за этого ни представить, ни оценить, ни поверить в удовольствие от непостижимой тишины и внутреннего спокойствия. Тот, кто в своем невежестве проявляет интерес только к образам восприятия и познания и привязан к явлениям мира, не может ни представить, ни оценить, ни поверить в высшую нирвану, стирающую все признаки, так, что вся кому превращению в материальное приходит конец.

Точно так же, как невежественные люди из-за своих споров и пристрастий, привязанности к «я» и своему имуществу вязнут в земных раздорах и не в состоянии ни представить, ни оценить, ни поверить в существование высшего состояния, где нет ни «я», ни имущества, ни привязанности, ни раздоров, точно так же те, что гоняются за мыслями, не могут ни представить, ни оценить, ни поверить в природу высшей истины, лежащей за пределами царства всевозможных мыслей и обдумывания».

Вследствие радикальных различий между знанием чаньским и знанием обыденным, постоянное подчеркивание этого абсолютного закона в чаньском учении часто привлекает столь пристальное внимание, что нарушается равновесие. Тем не менее, несмотря на недостаток придания столь большого значения абсол-

лютному, — причиной его чаще всего являются излишние реакции, такие, как, например, иррациональное стремление к чему-либо или страх, — признается аксиомой, что относительный принцип не может быть превращен в действенный без понимания абсолютного. Как гласит чаньская поговорка: «Перемахни через скалу, умри совершенно, а потом возвращайся к жизни — тогда тебя ничто не обманет». Таким образом, знание абсолютного используется для прорыва сквозь субъективные иллюзии или чувства об указываемом или возможном в сфере относительного или воображаемого.

Пожалуй, наиболее краткая, но вместе с тем глубокая дефиниция относительного принципа — относительного для той сферы, в которой он осуществляется, — дана в «Сутре цветочной гирлянды»: принцип гласит, что пробуждающее действие включает в себя все «то, что способствует благу и счастью всех живых существ». Шаги, которые необходимо предпринять для реализации этого принципа, обобщены в двух классических чаньских историях. Двум наставникам задавали вопрос, что надлежит делать в повседневной жизни. Первый сказал: «Я не спрашиваю о повседневной жизни, я требую только, чтобы видение было истинным». Второй же ответил: «Каждым шагом нужно наступать на этот вопрос». Обе эти истории иллюстрируют гармонию двух аспектов чаньского понимания, следуя традиционному подходу, исключающему как догму, так и отрицание.

Таким образом, одна из важнейших задач чань-буддизма — сделать переход от воображаемо-относительного уровня реальности к абсолютному уровню максимально плавным. Для достижения этой цели учение о сознании использует другую модель, а

именно — «трех высших и шести грубых аспектов» образов сознательного. Являясь прекрасным инструментом для самооценки, модель эта также хорошо помогает пониманию задач чаньской практики.

Первый из трех высших аспектов называется «несведущее обусловленное сознание». Такое сознание порождает состояние возбуждения, которое есть проявление субъективности. Этот второй аспект производит, в свою очередь, третий, на уровне которого происходит объективизация взглядов, сформировавшихся в субъективном состоянии возбуждения. Здесь заложена невоспринимаемая связь между относительным и воображаемым. Объективизация субъективности в дальнейшем подвергается обработке, получившей название «шести грубых аспектов сознания».

Первый из шести аспектов — способность познания, знание характеристик ментальных конструкций, проецируемых на мир с целью его определения. Второй аспект — преемственность, или повторение этих конструкций. Третий — привязанность к конкретным феноменам, истолкованным подобным образом. Четвертый — приписывание «ярлыков». Пятый — действие, основанное на сформировавшихся идеях и представлениях. Наконец, шестой и последний аспект обусловленного сознания — страдание, вызванное зависимостью от привычек.

Различные чаньские практики в критических точках цепи высших и грубых аспектов обуславливания прерывают процесс сознательного формирования порочного круга. Даже легенды и образы чаньской традиции сами по себе являются средствами, которые, воздействуя на определенные звенья этой цепи, влияют на характер сознания.

По преданию, Бодхидхарма основал в Китае чаньскую школу, основывавшуюся исключительно на доктрине сознания и лишенную какой бы то ни было организационной структуры. По одной из легенд, Бодхидхарма провел в Китае свыше пятидесяти лет и проповедовал свое учение при любой предоставлявшейся возможности. Другие же источники свидетельствуют, что он прожил в Китае значительно меньший период времени и отнюдь не был столь активен. В целом, чаньская традиция признает, что самые сокровенные тайны чань Бодхидхарма передал четырем ученикам, среди которых была одна женщина. Источники утверждают, что завистливые соперники — буддийские священнослужители — шесть раз пытались отравить его, и якобы в конце концов, когда миссия была выполнена, Бодхидхарма, находившийся уже в преклонном возрасте, позволил себе уйти в иной мир.

Как это часто происходило в чаньской традиции, большинство наследников Бодхидхармы канули в историческое небытие. Большинство историй и преданий, созданных последующими поколениями, повествуют лишь об одном из первых китайских наставников — Хуэй-кэ. Есть несколько ключевых историй о наставнике Хуэй-кэ, посвященных таким темам, как победа сознания над материей, чаньская практика поиска источника сознания, проверка устойчивости духа в окружении больных чахоткой, следование чань среди повседневных дел и забот. Хуэй-кэ имел обыкновение выходить к внешним воротам огромных городских монастырей и говорить о бесформенном учении о чаньском сознании, собирая при этом толпы людей. Его, как и Бодхидхарму, преследовали приверженцы других буддийских школ, и в конце концов уже на закате своих дней он был казнен.

Через три столетия известный чаньский наставник скажет: «Наших предков изгоняли отовсюду, куда бы они ни направлялись», подразумевая ту психологическую обстановку в обществе, в которой формировался чань-буддизм, ведь радикальная независимость чань была поистине проклятием для обыденного человеческого чувства, ибо она обрекала человека на индивидуальную борьбу за то, чтобы вывести способность восприятия за пределы рационализированния и чувства, полагающих привычку фундаментальным критерием реальности.

Согласно традиции, у Хуэй-кэ было десять собственных учеников, которым он передал суть учения, причем примерно половину из них составляли миряне. При всей важности и значимости историй о начальном периоде чань-буддизма в Китае, историй, описывавших порой целую жизнь человека и даже поколений в нескольких фразах, примечательно, что они указывают на то, что в чаньской традиции с момента ее становления находилось место и для женщин, и для мирян.

Многие буддийские сутры и другие сочинения адресованы мирянам и женщинам; в них приводится немало примеров того, как последователями и даже наставниками становились миряне: мужчины и женщины. И история чань-буддизма тоже свидетельствует, что в решающие моменты его ранней истории, на стадии становления так называемых «пяти домов чань» — основных классических школ чань-буддизма в Китае — женщины играли значительную роль во всех этих школах.

Как всегда и везде, власть предержащие видели в идее освобождения, доступного и женщинам, и простым людям, угрозу устоявшемуся социальному порядку. В первую очередь поэтому именно монахи, т.

е. люди, которые по определению являлись теми, кто отказался от личной заинтересованности в земных благах, обычно избирались представителями буддийского учения в обществе, дабы минимизировать иррациональный страх политиков и официального учёного мира. Однако после того, как некоторые монахи стали мирскими властителями, а отдельные бывшие сильные мира сего ушли в монастырь, это правило перестало быть всеобъемлющим.

Согласно источникам, чаньский наставник Хуэй-кэ также заботился о больных, что всегда отличало буддийскую традицию. Наболее известный факт — излечение тяжелобольного Сэн-цаня, который в конце концов наследовал Хуэй-кэ. По преданию, Хуэй-кэ в данном случае использовал исключительно духовный метод лечения, призванный освободить человека от оков болезни и дать ему силы естественным и спонтанным образом восстановить здоровье.

Практика излечения духа, видимо, признававшаяся достаточно важной, раз она описывалась в историях о первых чаньских наставниках, всегда являлась неотъемлемой частью чаньской традиции, но редко выделялась специально. Так, чаньская история отмечает факт духовного излечения Хуэй-сы, еще одного древнего чаньского наставника, считающегося одним из основателей школы Тяньтай. Его ученик Чжи-и, главный создатель тщательно разработанной философии буддийской школы Тяньтай, включил в свои знаменитые сочинения по медитации и разделы о разнообразных методах излечения.

Сэн-цаню, преемнику Хуэй-кэ, традиционно приписывается авторство «Доверчивого сознания»², од-

² Синь Синь Мин. Русский перевод см.: Буддизм в переводах. Вып. 1. СПб., 1992. С. 65–71. — Прим. ред.

ного из самых ранних и вместе с тем наиболее популярных текстов чань-буддизма. Фрагменты этого сочинения обильно цитируются во всей последующей чаньской литературе. Вообще-то оно представляет собой введение в чаньскую практику медитации и со-средоточения, но главная идея, пронизывающая его, — это духовное равновесие. Многие чаньские максимы, включенные в нашу книгу, в значительной мере следуют духу этого классического чаньского текста.

Преемник Сэн-цаня Дао-синь был первым из великих чаньских наставников Китая, кто создал общину для интенсивного чаньского обучения. Традиция изображает его, как и многих других наставников, презрившим почести, которыми осыпал его император, и продемонстрировавшим тем самым первенство чань над любыми мирскими соблазнами и благами.

Теперь, когда чаньская школа была уже хорошо известной, Дао-синь направил свои усилия на разработку разнообразных методов обучения и тех в высшей степени строгих и суровых требований, которые должны были предъявляться к чаньским наставникам. Он подчеркивал естественный характер передачи учения, а именно, что никто не вправе учить чань других, если он не достиг состояния совершенной ясности сознания. Традиция утверждает, что он разрешил преподавать только одному из пятисот своих учеников. У этого ученика, человека неизвестного происхождения по имени Хун-жэнь, было семьсот учеников, одиннадцать из которых оказались признанными в качестве пробужденных преемников и подлинных чаньских наставников.

Хун-жэню приписывается авторство короткого трактата о чаньской технике сохранения изначального сознания, но сочинение его осталось, в общем, малозамеченным чаньской традицией. Чаще имя Хун-

жэня ассоциируется с буддийским учением о трансцендентной мудрости, в котором различаются сознание и ментальные состояния, а сущность религии отделяется от эмоций и чувств. Учение о трансцендентной мудрости, центральное и для буддийской школы Тяньтай, настолько глубоко вошло в чаньскую практику в различных школах, что некоторые даже считали чань-буддизм вариантом развития учения этой школы.

С началом деятельности выдающегося преемника Хун-жэня, знаменитого чаньского наставника Хуэйнэна, взяла отсчет и история того, что вскоре стало «основным направлением» чань-буддизма. Хуэйнэн, умерший в начале VIII в., по преданию, еще в молодости, будучи неграмотным лесорубом в одной из отсталых областей Китая, внезапно пробудился к чаньской истине, услышав, как кто-то повторяет популярную сутру о трансцендентной мудрости. По легенде, он пробыл короткое время в качестве слуги в общине великого наставника Хун-жэня, получил признание своего пробуждения, но потом был вынужден тайно бежать, спасаясь от враждебно настроенных к нему ученых монахов обители. Пятнадцать лет он провел в горах среди охотников, и в конце концов появился в южном Китае уже зрелым наставником, к которому со всей страны устремились ищащие истину.

Легенда о Хуэйнэне вполне типична для чаньской традиции. Родом из отсталой области Китая, не имеющий ни формального образования, ни социального статуса, Хуэйнэн является собой такой же пример прорыва через условности общественного положения и обычаев, какой когда-то преподал сам Будда, заявивший о чуждости древнеиндийской кастовой системы духу своего учения и призывающий людей не верить ни во что только на том основании, что это яв-

ляется традиционным, записано в священных книгах или изложено авторитетами. И точно так же, как буддизм в Индии создал священную литературу на местных языках, так и учение чань-буддизма, через три столетия после Хуэй-нэна, было зафиксировано на местных языках Китая.

Не получив никакой подготовки или образования, Хуэй-нэн еще в молодые годы обрел пробуждение; он откликнулся на данное Хун-жэнем задание явить что-либо для всей общины учеников. Чаньская традиция утверждает, что чаньские ученики были высоко образованными и хорошо подготовленными монахами — действительно, история подтверждает, что в первые столетия чань-буддизма в Китае многие продвинувшиеся последователи других буддийских школ стекались в чаньские общины. Юный, не прошедший посвящения, но обретший пробуждение Хуэй-нэн изображается традицией превосходящим даже самых лучших из этого множества блестящих ученых и практиков, обладающим высшей мудростью, определяемой как непередаваемое знание.

Основное направление чань-буддизма в целом разделяло идею о том, что постижение сущности чань можно ускорить упорной практикой, но никакая, даже самая изощренная практика, не может полностью гарантировать обретение пробуждения. Согласно традиции, чтобы добиться результата, необходимо реализовать некий неопределимый элемент чань. Это вещь, которая не есть вещь, невыразимая мудрость, называемая «непередаваемым знанием». Элемент этот есть в каждом, но Хуэй-нэн особенно выделяется среди всех прочих как мастер «непередаваемого знания», дающий яркий пример того, что пробуждение не зависит от каких бы то ни было условий.

Подобное независимое знание называется также «непостижимостью», которая не может передаваться, даже от отца к сыну». Оно ничуть не похоже на ритуальную передачу формального знания или власти, не похоже ни на доктрину, ни на вероучение. Некоторые из чаньских наставников классического периода особенно настаивали на этом, ибо одно из самых значительных столкновений за всю историю чань-буддизма было, по сути, спровоцировано теми, кто отрицал необходимость самостоятельного обретения пробуждения и утверждал необходимость «тайной передачи» знания. Получивший знание в результате такой «тайной передачи», естественно, приобретал личные взгляды, а значит, и личные чувства.

Легендарное противостояние одной группы монахов и Хуэй-нэна является классическим примером того, что происходит, когда собственнические чувства соединяются с религией. С самого начала своей истории, когда основоположник учения Бодхидхарма заявил китайскому императору, что все его благочестивые поступки ничего не стоят, на протяжении столетия, чань-буддизм сталкивался с проблемой невыраженного эгоизма в религии. Как гласит чаньская пословица: «Если мирские вещи не вызывают в тебе чувств, то все вещи есть учение Будды; если же учение Будды вызывает в тебе чувства, то оно является мирской вещью».

Если верить чаньской традиции, у Хуэй-нэна было тридцать три обретших пробуждение ученика, которые стали наставниками в разных областях страны, других же, «кто скрывал свои имена и прятал свои следы, невозможно было сосчитать». Вот и еще одна повторяющаяся из поколения в поколение чаньская тема: люди, приходящие в общины, чтобы постичь

чань, исчезают, и только некоторые приходят в мир, чтобы продолжить дело распространения учения. В Китае, по крайней мере, тема эта находила воплощение и в реальной истории, когда чаньские школы, по сути, непрерывно раскалывались и реформировались, и все время появлялись новые школы, под разными названиями и в разном обличье, демонстрируя новые повороты в развитии чаньского учения.

После того как учение Хуэй-нэна было окончательно оформлено, а школа его распалась, чань-буддизм тихо и без всяких церемоний проник в старые буддийские монастыри, и вновь проявил себя во всем блеске при двух выдающихся чаньских наставниках VIII столетия — Ши-тоу и Ма-цзу. Этих учителей называли «двумя вратами бессмертия», и практически все известные наставники следующего поколения были в числе их учеников.

Ши-тоу, чья жизнь захватила практически весь VIII в., известен, в первую очередь, благодаря своей дидактической поэме «Слияние различия и тождества». Это — одно из самых кратких изложений буддийского учения, отмеченное необычайно высоким уровнем концентрации. Предпринималось множество попыток выявить ее скрытый тайный смысл, а первые комментарии к ней восходят еще к концу классического периода, когда со временем создания ее минуло лишь несколько поколений.

В типичной для текстов, написанных лаконичным чаньским стилем, манере, Ши-тоу уже в первой строке своего сочинения формулирует фундаментальные принципы чань-буддизма: «Сознание великого индийского бессмертного — это сокровенным образом соединенные восток и запад». Под великим индийским бессмертным подразумевается Будда, а под соз-

нанием — пробужденное сознание. Здесь бессмертный описывается в даосских терминах, а иероглифы в названии сочинения идентичны классическому даосскому тексту по тайной алхимии. В данном случае Ши-тоу не просто использует литературные изыски и не стремится к приближенным понятиям; смысл положения в том, что пробужденное сознание прорывается сквозь религиозные рамки и выходит за их пределы, оно глубже культурных различий между востоком и западом и не обуславливается ими.

Великий современник Ши-тоу Ма-цзу, жизнь которого также охватывает почти все VIII столетие, — первый чаньский наставник, фрагменты наставлений которого включены в настоящий сборник. Большая часть сведений о нем извлечена нами из записей о его взаимоотношениях с другими людьми, историй о том, как люди обретали пробуждение после его слов, поступков и отмеченного печатью божественности влияния. У Ма-цзу было сто тридцать девять пробудившихся учеников, восемьдесят четыре из которых стали наставниками. Его духовные преемники оказывали огромное влияние на чань-буддизм в течение нескольких последующих столетий.

Учение Ма-цзу, насколько мы можем судить о нем по сохранившимся записям, чрезвычайно просто, но вместе с тем всеобъемлюще; одна из главных его тем — психологическая устойчивость, свобода в чаньском смысле, т. е. неподверженность нестабильности, возникающей вследствие привязанности к умозрительным заключениям и ментальной искусственности. Чтобы добиться такой устойчивости (или восстановить ее), необходимо, полагал Ма-цзу, научить людей не цепляться за субъективные взгляды; и тогда, заявлял он, можно выйти за пределы обыден-

ного мира, не изолируя себя от повседневности и не отвергая ее. Ма-цзу говорил, что мысли и чувства окутывают и индивида, и культуру в целом, формируя таким образом сущность видимого мира.

В основе предлагаемой им практики лежит понимание такого положения вещей и использование этого понимания для деперсонализации «я» и общества, ослабления сковывающих сознание тисков и освобождения от мысленных цепочек с тем, чтобы обрести непредставимое восприятие реальности. Согласно Ма-цзу, пробуждение означает понимание сущности сознания и объектов, и достижение его выше тех практик, что ведут к его обретению.

Одним из многих духовных наследников Ма-цзу был Да-чжу. Да-чжу является собой несравненный образец глубинной простоты раннего чань-буддизма. Он раскрывает ограниченность и недостатки религиозного «я», или религиозной страсти, столь ярко критикуемых в позднейших чаньских сочинениях; превращение постижения учения Будды в «тупое занятие», говорит Да-чжу, может лишить людей способности к переживанию аутентичного опыта освобождения, поскольку сознание при таком обучении подвержено влиянию обычной субъективности и преклонения перед объектом.

Позднее, когда чань-буддизм еще более укрепил свои позиции, а чаньские общины превратились в общественные институты, со своей собственной социальной и материальной системой наград и наказаний, вотчинами, фракциями и всем тем, что проистекает из них, наставники часто отмечали взаимосвязь между таким бесплодным подходом к чань и обычными алчностью и жадностью. Истоки этой проблемы, однако, были выявлены уже в начальный период

чань-буддизма Да-чжу и другими учениками школы Ма-цзу.

Следующий наставник, фрагменты наставлений которого присутствуют в нашей книге, — Линь-цзи, несгибаемый учитель IX столетия. Ученик обретшего внезапное пробуждение наставника, общавшегося с Бай-чжаном, одним из наиболее известных учеников Ма-цзу, Линь-цзи завершил структурное оформление чаньского учения, полученного им, и принес его миру в обрамлении своей несравненной просветленной мудрости. Собрание его высказываний, составленное одним из учеников, стало одним из наиболее известных классических чаньских сочинений. Фрагменты, представленные здесь, взяты именно из этого собрания.

Призывая, как и прочие чаньские наставники, своих учеников к постоянству и устойчивости, Линь-цзи предостерегал их против поиска экстраординарных сил. Не отрицая их, он подразумевал, что субъективные образы и личные желания — не самое прочное основание для развития высших потенциальных способностей, заложенных в сознании. Линь-цзи настаивал на том, что то, в чем люди действительно нуждаются, — это подлинное восприятие и понимание; обрести их, говорил он, и чудо явится само собой. Он подчеркивал необходимость сохранения независимости и опоры исключительно на внутреннее «я», предупреждая об опасности подражания чужим склонностям и заблуждениям. Линь-цзи призывал людей делать то, что они должны делать, не отвлекаясь и не меняя целей под воздействием внешнего.

Как и другие чаньские наставники, Линь-цзи считал чань учением об основаниях сознания, т. е. о самом фундаментальном уровне понимания. Основание сознания, говорил он, проникает и в священное, и в мирское, не будучи отождествляемым ни с тем, ни с

другим. Сохраняй независимость и самостоятельность, не цепляйся даже за основание сознания, не опирайся ни на внутренние состояния, ни на внешние условия; тогда никакие обстоятельства не смогут изменить тебя, и полная независимость избавит тебя даже от самых порочных привычек.

Линь-цзи говорил также о тщетности неразличающей практики, ибо в таком случае человек уподобляется козе, обнюхивающей все подряд и жующей все, что только ей ни попадется. Необходима проницательность особого рода, если цель обучения — выйти за установленные пределы, пояснял он; профессиональные священнослужители, которые не могут отличить загрязненность от пробужденности, в конце концов создают социальные институты, а не подлинные духовные общины. Это никак нельзя назвать независимостью в чаньском смысле слова. Как говорил Линь-цзи: «Если любишь священное и презираешь обыденное, значит, ты по-прежнему пребываешь в океане заблуждений».

Линь-цзи учил, что причиной создаваемых сознанием преград, препятствующих истинной реализации как в духовной, так и в социальной сфере, является привычка цепляться за «ярлыки» и «лозунги». Такие сотворенные сознанием преграды не дают возможности воспринять объективную истину, окружая сознание стенами идей и взглядов, и еще более усугубляя ограниченность «успокоением словами», как называет это учение о сознании. Чтобы освободиться из порочного круга, настаивает Линь-цзи, необходимо познать подлинное «я»; но подлинное «я» невозможно искать намеренно, ведь намерение само по себе уже искусственно. В этом и заключается непостижимый характер чань-буддизма.

Согласно истории, как она поведана нам чаньскими наставниками, непостижимость чань, в силу ее природы, обыденное сознание ухватить не в состоянии, и в конце концов непостижимость эту использовали в качестве предлога разного рода профаны, шарлатаны и «будущие наставники», очарованные ее таинственной силой. Так, многие «последователи чань», утверждает Линь-цзи, не обретшие пробуждения, рассматривают звание наставника только в качестве очередного шага в своей карьере. За мистическими высказываниями и нарочитой религиозностью скрываются лгуны и обманщики. Благочестивые, но наивные люди могут оказаться обманутыми такого рода мошенниками, «учение» которых не только не освобождает, но, наоборот, еще сильнее привязывает человека. Подобно другим истинным наставникам, Линь-цзи предупреждает об опасности, которую несут ложные учителя, и показывает, как следует распознавать и избегать агрессивного внушения, исходящего от фальшивого чань-буддизма.

Как и Будда, Линь-цзи утверждает, что для обретения освобождения необходимо избавить чувства и сознание от предзаданных установок, сформированных социальными условиями, в том числе традицией и религиозными верованиями, дабы пробудить скрытые в сознании всеобъемлющность и объективность, необходимые для цельного восприятия реальности. Весьма характерно в данном контексте замечание Линь-цзи, что в чань нет никакой доктрины, поскольку чань — это всего лишь «излечение болезней и снятие оков».

За изречениями Линь-цзи следуют высказывания его современника Ян-шаня. Ян-шань слыл одним из величайших гениев чань, и многие высокие китайские

государственные сановники называли себя его учениками. Многочисленные истории о нем включены в классические чаньские собрания. Ян-шань особенно подчеркивает недогматический характер чаньского учения, действующего, скорее, как отклик на осознанное желание постичь его, чем через внушение и убеждение. Ян-шань утверждает, что подлинный чань вне чувственных ощущений и не открывается тому, кто ищет освобождения, опираясь на чувства.

Положение это некоторые люди, привыкшие к доктринальным догматам, порой считают догматичным, но на самом деле недоступность абсолютного чань обыденным мыслям и чувствам буддисты полагают не доктриной, а качеством его сущностной природы, как о том говорит «Сандхинирмокана сутра».

Как и Линь-цзи, Ян-шань советует не искать чудесного и мистического, но стремиться к сущностному, к изначальному истинному сознанию; все чудеса есть лишь следствия, возникающие сами собой после того, как утверждена основа. Субъективное пристрастие к необычному или экстраординарному не может считаться прочным основанием для чаньской практики, поскольку сознание в таком случае по-прежнему пребывает в плену собственных образов. Это не значит, что чаньские наставники не совершенствовали свои необычайные способности, просто они не делали это самоцелью.

Фа-янь, следующий чаньский наставник, умер в середине X в. Он был последним представителем плеяды великих учителей, чьи школы совершенным образом вплели ранние положения буддизма в ткань чаньского учения. Школа Фа-яня, давшая не имеющий аналогов пример того, что такая истинная чаньская ученость, на протяжении первых трех поколений

своего существования оказала особенно значительное влияние на корейский буддизм. Один из преемников Фа-яня сыграл немаловажную роль в возрождении древней школы Тяньтай. Среди его наследников был девятый патриарх школы Чистой Земли, наставник чаньской и всех других буддийских школ, зачинатель нового панбуддийского движения.

Сам Фа-янь занимался в основном обучением продвинувшихся учеников, но, среди всего прочего, написал краткое сочинение — общее руководство для чаньских школ, в котором подверг критике те упадочные явления, что проявились в чаньских школах в его время, и четко выяснил подлинные идеалы чань-буддизма. Этим сочинением Фа-янь продолжил и развил ту критическую традицию, которая характеризует, в первую очередь, учение преемников и потомков Ма-цзу и которая особенно усилится в период династии Сун (960–1279), когда влияние чань-буддизма на китайскую культуру станет поистине всеобъемлющим. В настоящей книге представлены фрагменты из этого трактата, одного из самых ранних чаньских текстов.

Первое, на что указывает Фа-янь: чтобы преподавать другим, прежде необходимо обрести пробуждение самому. Фа-янь пишет, что чань-буддизм приходит в упадок из-за того, что люди стремятся только к тому, чтобы стать наставниками и настоятелями. Вот почему, говорит он, безусловно необходимо очистить основы сознания и вырваться из порочного круга, заключающего восприятие и сознание в темницу искусственно созданных ограничений. Фа-янь утверждает также, что без правильных установок подлинной чаньской чистоты и истинного пробуждения не обрести даже усердной практикой медитации.

Среди проявлений упадка в чаньских школах, которые отмечает в своем сочинении Фа-янь, он особенно выделяет сектанство. Хотя чань-буддизм, говорит Фа-янь, не признает сектанства, последователи в конце концов привязываются к традиции, устанавливают свои школы и начинают соперничать друг с другом. Фа-янь считает необходимым всеми силами противодействовать этой тенденции, и призывает последователей учения не просто запоминать лозунги и следовать доктринальным школам на манер политических марионеток, не сворачивающих с «линии партии». В качестве примера истинного подхода к чань Фа-янь цитирует в своем сочинении высказывания на этот счет знаменитых наставников прошлого: «Тайна — в тебе самом», «Все происходит из твоего собственного сердца» и т. д.

Кроме того, Фа-янь предупреждает об опасности принятия временного, преходящего состояния за подлинное пробуждение и недопустимости отделения теории и практики или принципа и факта друг от друга. Трактовка искусственных состояний в качестве опыта пробуждения достаточно типична для приведших в упадок чаньских школ, склонных к преклонению перед возвышенным, а разделение теории и практики характерно для доктринальных школ, опирающихся на стандартизированную систему. Оба крайних подхода зафиксированы в различных чаньских сочинениях, как и примеры субъективной интерпретации чаньских историй, — еще одно широко распространившееся свидетельство упадка, также осуждаемое Фа-янем.

Избранные высказывания и фрагменты из сочинений таких классических наставников, как Ма-цзу, Да-чжу, Линь-цзи, Ян-шань и Фа-янь, продолжают тек-

сты, авторство которых принадлежит двум основоположникам нового литературного чаньского стиля X и XI столетий — Фэнь-яну и Сюэ-доу, а также изречения двух наставников, при которых чань-буддизм во времена сунской династии достиг апогея своего влияния — Хуан-луна и Ян-ци.

Новый чаньский литературный стиль позволил учению окончательно войти в китайскую культуру, а также те культуры, что находились в сфере влияния последней, но он является лишь одной из составляющих поистине повсеместного проникновения чань-буддизма. Фэнь-ян и Сюэ-доу были не только исключительно талантливыми писателями, но и удачливыми наставниками, однако особняком стоит именно их вклад в чаньскую литературу. Фэнь-ян за свою жизнь встречался более чем с семьюдесятью чаньскими наставниками, и в его сочинениях представлены идеи всех главных направлений чань-буддизма; он снабдил их собственными комментариями и создал новые формы древних чаньских лингвистических приемов.

Фэнь-ян по-прежнему настаивает на главной буддийской идее о том, что пробуждение сокрыто в сознании, но замутнено приобретенными привычками восприятия и мышления. И заблуждение, и пробуждение заключены в сознании, пишет Фэнь-ян. Но большинство людей не воспринимают идею об изначальной природе Будды серьезно, ибо они погрязли в собственных чувствах, мыслях и настроениях. Вот в чем нужность чаньского учения, несмотря на безусловную необходимость «познания себя», как говорит Фэнь-ян.

Хотя чаньское учение безличностно, утверждает Фэнь-ян, для практикующего необходима близость или гармония с чань. Взаимоотношения между чань-

ским наставником и учеником безусловно важны, но они не тождественны отношениям между учителем и обучающимся в светской системе образования, и, в первую очередь, потому, что чань невозможно полностью объяснить или передать в привычных словах. Как говорит Фэнь-ян, тысячи книг недостаточно, но при этом одного слова слишком много.

Далее, чаньское обучение отличается от светского тем, что не приемлет соревновательного духа — общепризнанного элемента последнего, ибо в чань он приводит лишь к бесплодной трате времени. Хотя чаньское пробуждение — это ключевой момент в обретении безмятежного состояния и освобождении скрытых способностей сознания, для неподготовленных чаньская свобода вряд ли окажется полезной. А значит, чаньское образование накладывает необычайно высокую ответственность и на наставника, и на ученика, требуя от них того, что с точки зрения светской школы является невиданной степенью зрелости.

Сюэ-доу приписывается заслуга возрождения, быть может, самой таинственной и возвышенной из классических чаньских школ, которая опиралась на практики и техники, требовавшие особого дара. Особенno известен он тремя сочинениями: собранием стихов на темы ста чаньских историй, собранием комментариев, написанных уже в прозе, еще к ста чаньским легендам и антологией поэзии. Его преемники основали одну из наиболее значительных чаньских школ сунского Китая, а сочинения оказали влияние даже на даосскую школу Совершенной Реальности.

Сюэ-доу пишет, что непреходящий смысл чань — это модель самой жизни, и что подлинное сокровенное понимание нельзя получить от другого человека.

Этот чаньский принцип — что чань может быть полностью реализован только в себе самом — стал, однако, использоваться в качестве прикрытия всевозможными персоналистическими версиями чань-буддизма, но Сюэ-доу предупреждает, что прежде непосредственного восприятия реальности следует очистить сознание от приобретенных иллюзий. Протест его сведен с тем, что высказывал и Фа-янь применительно к чаньским историям, утверждая, что для их понимания и применения необходимо чистое сознание.

В отличие от Фэнь-яна и Сюэ-доу, Хуан-лун и Янци являются собой пример чаньских наставников, прославивших свое имя прежде всего созданными школами, а не литературными сочинениями; об их учении мы знаем мало. Сохранилось собрание писем Хуан-луна, но в них речь по преимуществу идет о текущих делах и мало собственно чаньских наставлений.

Анализируя природу и характер зависимости, от которой чань призван освободить людей, Хуан-лун использует знаменитое выражение школы Хуаянь: знание реальности замутнено чувствами, а вещи оформляются образами; люди склоняются к привычкам, основанным на чувствах и образах, и потому бессознательно связывают себя. Чтобы обрести спонтанное пробуждение, которое освободит от этой зависимости, продолжает Хуан-лун, необходимо остановить мятущееся сознание. Бросаться от одной школы к другой в поисках учителей — все это «смертельно утомляет».

Высшее чаньское знание, знание, которое невозможно преподать, лежит за пределами обычных интеллектуальных упражнений и обучения. Сущность чань, говорит Хуан-лун, вне досягаемости ощущений и не может быть постигнута чувственным опытом.

Однако это не значит, что в практике чань следует избегать повседневного опыта или отвергать его, ибо последователи чань должны пребывать пробужденными непосредственно среди всевозможных жизненных трудностей и видеть их истинное лицо, сливаясь с обыденным миром. Свобода в бренном мире, учит он, означает готовность ко всему; люди, погрязшие в привязанностях и не способные целыми и невредимыми выйти из океана страстей, не могут помочь ни себе, ни другим.

О Ян-ци не сохранилось почти никаких сведений, мы знаем только, что слава его школы гремела, а ее патриархи — преемники Ян-ци — пользовались огромным влиянием. Ян-ци говорит, что окружающая обстановка зависит от человека, а также от настроений и поступков людей, живущих рядом с ним; но, с другой стороны, и окружающая обстановка оказывает воздействие и на человека, и на коллективные настроения и действия. Изнутри этот порочный круг представляет собой уничтожающее колесо зависимости, но если сознание преодолевает границы измерений и способно свободно трансформировать и мысль, и поведение, он становится полем для движения вперед.

Отстранение от образов, сформированных обуславливанием, разрушает их очаровывающую власть и позволяет сознанию вернуться к той самостоятельности, что открывает путь к пробуждению. Однако в ходе этого процесса не уничтожается ничего, кроме силы иллюзий; Ян-ци утверждает, что чувства, соответствующие модели и основанию естественного миропорядка, сохраняются по-прежнему.

Ян-ци говорит, что не существует таких наставников, которые могли бы преподать чань во всей полноте и завершенности. Когда сущность чань постигнута,

отпадает надобность в школах — человек обретает способность свободно, независимо и сохраняя цельность следовать своим путем. Когда сознание «открыто и чисто, подобно пространству», изначальная способность понимания незамутнена; а когда сознание «широко и глубоко, подобно океану», человек способен сохранять спокойствие и невозмутимость среди мирской суеты. Для достижения этого необходимы смелость в действии и присутствие духа, убежден Ян-ци.

Следующие четыре наставника — У-цзу, Юань-у, Фо-янь и Да-хуэй — яркие представители так называемой школы Восточной Горы, ведущей происхождение от классического наставника Линь-ци через Ян-ци. В школе Восточной Горы, пользовавшейся огромным авторитетом среди образованных светских кругов общества, было создано множество сочинений, что делает ее одной из самых плодовитых школ китайского чань-буддизма.

У-цзу, будучи уже человеком средних лет, начал постигать чань под руководством одного из величайших деятелей чань-буддизма той эпохи Бай-юаня, прямого наследника Ян-ци, ставшего наставником в исключительно молодом возрасте и столь же рано ушедшего в мир иной. Бай-юань послал У-цзу управляющим на мельницу, принадлежавшую монастырю и находившуюся в городке, раскинувшемся под горой, на которой стоял монастырь. По преданию, когда бы монахи ни спускались с горы разузнать, как идут дела, У-цзу шокировал их, не стесняясь заигрывать с молоденькими девушками, приходившими на мельницу.

Позднее У-цзу прославился искусством преподавания, уникальным для его времени: для того чтобы

открыть сознание учеников, он использовал рисунки, цветистые метафоры, светские стихи, глубокие абстракции, парадоксальные поступки и прямолинейные высказывания. Несомненно, что истоки последующего влияния школы Восточной горы в немалой степени восходят к удивительным способностям У-цзу. Он откровеннее и резче многих критиковал чаньские институты своего времени, заявляя, что они заражены человеческими болезнями, несовместимыми с истинными целями и практикой чань. Далее, он также ясно выражал то, что считал достоверным критерием аутентичного чань-буддизма. Его ученики и преемники в школе Восточной горы следовали урокам своего наставника.

У-цзу определяет для наставника задачу первостепенной важности — убрать даже наиболее лелевые представления учеников, дабы дать им возможность обрести самую непостижимость чань, которую невозможно выразить ни в категориях, ни в каких-либо условных терминах, которую невозможно ни вообразить, ни обрести мышлением. Именно на это и были направлены некоторые из его высказываний. Но даже саму непостижимость, говорит У-цзу, не следует превращать в «гнездо», когда человек уже продвинулся в чань, равно как и ни в коем случае ее нельзя принимать за личное достижение — как гласит чаньская пословица: «Полководец может установить мир, но полководцу не дано увидеть его».

Юань-у, один из трех самых блестательных учеников У-цзу, известен как автор «Записей Голубой скалы», выдающегося сочинения чаньской школы. Есть также обширное собрание его бесед, стихов на чаньские сюжеты и наставительных писем. Эти письма с наставлениями особенно ценили чаньские адеп-

ты последующих поколений; они были собраны воедино и озаглавлены «Основы учения сознания». Фрагменты этого собрания и представлены в нашей книге.

Юань-у говорит об изменяющем характере чаньского учения и практики, которые, по его мнению, не должны обуславливаться ни доктами, ни церемониями; они есть только средства, призванные помочь людям обрести изначальное сознание и сбросить сковывающие путы иллюзий. Чань — внутри каждого, утверждает Юань-у; его всепроникающая мощь и глубокая безмятежность наличествуют всегда и везде. Поиск истока сознания — это не исполнение танца с объектами и не игра с вещами; очисти сознание, забудь о субъективных взглядах и чувствах, и тогда поймешь, в чем смысл чаньских слов «сознание и есть Будда».

Как и его учитель У-цзу, Юань-у беспощадно развенчивает порочную практику чань. Он говорит, что многие ученики-интеллектуалы и просто образованные люди изучают чань просто для удовольствия и в качестве некоей диковинки. Чань-буддизм, вследствие своей высокой роли в китайской культуре, стал символом статуса и основанием для самодовольного снобизма. Такой интерес к чань скорее укрепляет, чем разрушает, эгоистические привязанности. Поэтому Юань-у настаивает на необходимости выбора правильной цели и вдохновения в чаньской практике, особенно рекомендуя в качестве упражнения для очищения воли учиться, не страшась, смотреть на смерть. Кроме того, Юань-у отмечает, что для достижения и практики чань вовсе не обязательны тишина и безмолвие — быть пустым внутри и при этом сохранять гармонию с внешним миром, вот в чем цель; тогда сознание будет безмятежным среди любых требований мирской жизни.

Юань-у поясняет, что изменения, внесенные за столетия в чаньские методы и практики истинно пробужденными и свободными наставниками, были необходимы для того, чтобы воспрепятствовать привязанности к внешним формам учения и превращению их в незыблемые принципы. «Все учения — только средства», — говорит он, — «цель которых — помочь прорваться сквозь привязанность, сомнения, умозаключения и эгоцентрические идеи». Как отличаются его взгляды от ритуалистских сектантских культов, претендовавших в последующие времена на право называться чаньскими школами!

Юань-у убежден, что подлинный чань-буддизм не нуждается в социальной поддержке и не подвержен разрушительному давлению общества. Он подробно разъясняет ошибочное и истинное в практиковании чань, и то, как избежать ошибок и использовать истинное. В записях его бесед есть замечания по таким темам, как так называемое «живое и мертвое» слово чань, бесплодность вероучений, догм и пустых лозунгов, а также необходимость гармонии между различными техниками.

Суть этой гармонии выражена Юань-у в знакомом даосском стиле. «Если хочешь постичь сокровенную суть чань полностью, прежде всего не ищи ее. То, что обретается в ходе поиска, уже загрязнено субъективными представлениями <...> Только когда останавливаешь обусловленное сознание <...> прорываешься к свободе». Рассуждая о поиске вовне, Юань-у цитирует чаньского наставника Да-чжу: «Все исходит из твоего собственного сердца. Именно это кто-то из древних назвал «выявлением семейного сокровища».

Говоря о методе, Юань-у призывает учеников «умиротворить мысли», добавляя, что «это хорошо

делать прямо посреди мирских тревог». Он советует освободиться от прежних образов, взглядов, умозаключений, знания мира, от интеллектуализирования, эгоизма и соперничества, чтобы сделать сознание чистым и неприкрытым, открыв его тем самым для чань. После чего, однако, необходимо продолжать добиваться постоянства. На обоих этапах воля человека играет чрезвычайно важную роль, ведь очищение сердца и сохранение его незагрязненным требует невероятной решимости, поскольку требует от человека понимания как внутренних, так и внешних состояний и действий. «Только постигшие основное», — пишет Юань-у, — «способны оставаться пустыми внутри и сохранять гармонию вовне».

Отстранение от мыслей и прекращение деятельности ума — только середина, но никак не конец чань. Юань-у говорит, что когда чань доведен до совершенства, «нет мирских вещей вне учения будды, нет учения Будды вне мирских вещей». Пробудившись к подлинной реальности, человек «каждой своей мыслью общается с бесчисленными учителями».

Если даже глубокая медитация есть всего лишь инструмент, то что уж говорить о словах. Слова могут принести большую пользу в качестве средства улучшения восприятия, но, превращаясь в тотемы, они лишаются заключенного в них «свободного» потенциала. Юань-у говорит, что если ученик поймет, что все учения, изложенные на словах просветленными наставниками, на самом деле находятся внутри него, он «не будет носиться с ними». Он постоянно предупреждает об опасностях, которые таятся в стремлении к сверхъестественному, и создании культов, поскольку последние могут вызвать эмоциональное удовлетворение, но не ведут к подлинному пробуждению.

Юань-у говорит также и о неправильном использовании текстов, которых в чаньской традиции великое множество и которые отличает чувственно-интеллектуальное суждение о фактах, основанное на субъективных сравнениях. Сочинения эти представляют собой точные инструменты, призванные отмечать и указывать путь. Хотя одна из их целей — это выявление ошибочности или неполноты мышления, ценность их зависит от ряда других факторов, в числе которых — отношение к ним самого ученика. Одна из главных и постоянных тем в чань-буддизме — разоблачение различных несоответствий и «трещин» в сознании и мышлении, чтобы практикующий мог сознательно противодействовать их появлению, преодолеть их и избежать их зарождения в будущем.

Согласно Юань-у, полная независимость возможна тогда, когда ни сознавание, ни не-сознавание не оказывают никакого воздействия на человека. Тогда даже беды и несчастья не отразятся на мыслях человека; человек безмятежен внутри и восприимчив ко всему внешнему. Вопрос о чаньском наставничестве также не остается без внимания; Юань-у говорит о необходимости проявления сострадания, такта, беспристрастности, о ненавязчивости и тщетности соперничества. Враждебное отношение не должно вызывать ответного чувства, и, следуя даосскому положению, Юань-у добавляет, что «никто не может соперничать с тем, кто не соперничает». В конце концов, говорит он, «злые клеветники исчезнут сами собой».

Юань-у предостерегает учеников: для реализации возможностей, указанных в чаньских руководствах, необходимы время и практикование, и за этот промежуток времени могут появиться ложные наставники, которые будут пытаться научить обману. Одной из

главных отличительных черт этих «духовных шарлатанов» Юань-у называет их привычку «одурачивать людей любопытными вещами». В этом отношении подлинное чаньское учение является настоящим проклятием для последователей религиозных культов и ученых дилетантов.

Разъясняя чаньские методы, Юань-у говорит, что приемы истинных наставников направлены на то, чтобы «поймать» человека, или выявить то главное, что замутняет его восприятие и контролирует его отношение ко всему, с тем чтобы освободить его от ограниченности. Представление подобных приемов в качестве верований самих наставников, превращение их в объект веры или доктринальные принципы школы приводит к неэффективным и часто совершенно абсурдным интерпретациям чаньского учения.

Юань-у был одним из самых выдающихся наставников в истории чань-буддизма, и исследователи обычно связывают его имя с поворотным моментом в традиции использования чаньских историй в процессе обучения и преподавания чань. Хотя Юань-у говорит, что было бы серьезной ошибкой не проявлять интереса к высказываниям древних даже после обретения пробуждения, с другой стороны, он указывает и на то, что для некоторых нет большой необходимости прибегать к высказываниям и историям из жизни наставников. «Просто с того самого мгновения, когда утром встаешь с постели, сосредоточь внимание и успокой сознание, и тщательно наблюдай за всем, что говоришь и делаешь, и отмечай, откуда это исходит и что тому причиной».

Однако контроль за сознанием может сам по себе стать непродуктивным и сбивающим с толку действием, если нет отстраненности, необходимой для об-

ретения объективного знания. Юань-у подчеркивает, что для освобождения вовсе необязательно уходить от мирских дел. Успокоение сознания — в лучшем случае только средство, которое может создать субъективное впечатление о пустоте, но сама по себе это не есть та пустота, которую буддизм называет высшей истиной. Подлинная чаньская пустота, или открытость, говорит Юань-у, налицоует всегда, и ее невозможно сковать; она не в наличии и не в отсутствии; она вне отношений привязанности и отрицания. В конце концов, утверждает Юань-у, «можно довериться этому истинному, чистому, невыразимому сознанию, а когда мирские дела потребуют вовлеченности, заметишь, что сознание не следует за ними».

Чаньский наставник Фо-янь, как и Юань-у, был одним из так называемых «трех Будд» школы Восточной Горы, находившейся под покровительством великого У-цзу. Записи его учения весьма обширны и включают в себя одно из самых объемных в чаньском каноне собрание наставлений. Фрагменты, представленные здесь, взяты из этого собрания; они показывают, насколько тонко можно использовать самые неуловимые составляющие чаньской мудрости.

Фо-янь учит отстраняться от представлений, не в смысле «остановки сознания», но для достижения той же цели. «Я не учу вас избавляться от беспорядочных мыслей, подавлять тело и сознание, закрывать глаза и говорить, что это и есть чань», — утверждает он, подчеркивая значимость того, что он называл «сбережением энергии», т. е. сохранения целостности изначального сознания без всяких усилий. Фо-янь рассуждает и о важности независимости и самоконтроля, поясняя, что субъективные ощущения, или субъективные интерпретации объективного мира, не являются подлинным объективным миром.

В прямой и безыскусной манере Фо-янь говорит о самых разных чаньских практиках, которые показывают, несмотря на всю свою доступность пониманию, подлинную трудность чань. «Следует знать, как проверить себя, прежде, чем ты сможешь постичь чань», — утверждает Фо-янь и описывает несколько способов, позволяющих приблизиться к этому. Что точно не рекомендует Фо-янь, так это, подобно невежественным людям, бегать повсюду в поисках учителя, вместо того чтобы прежде посмотреть на то, откуда проистекает невежество. Подобно другим чаньским наставникам, он убежден: «Все дело в достижении истока сознания».

Чаньское пробуждение, обретаемое при проникновении к истоку сознания — это не только освобождение от ненужной ограниченности и страдания, но и высвобождение огромных запасов силы и мощи, таящихся в действительности. Момент этот очень важен, он напрямую связан с многократным напоминанием Фо-яня о том, что не следует полагать, будто чань призывает к подавлению сознания и тела. Обычно чаньские наставники уходят от обсуждения вопроса о высших силах, заключенных в человеческом сознании (хотя они и подробно описаны в буддийских текстах), и стараются не показывать эти силы. Считается, что такая традиция была установлена с тем, чтобы не провоцировать учеников на стремление к обретению пробуждения из личных амбиций. Однако она же вызвала к жизни ошибочное отождествление «обычного состояния», как оно понимается в чань-буддизме, с «обычным состоянием», определяемым в терминах, приемлемых социальными системами, которые мало что делают (или же совсем ничего не делают) для поощрения выхода человеческого сознания за установленные этими системами ограничения.

Поэтому беседы Фо-яня, собранные в одну книгу, входящую в число трех «несравненных» во всей чаньской литературе, несомненно, оказали большую помощь последующим поколениям. Другая из трех «несравненных» книг — знаменитое собрание писем Да-хуэя, преемника Юань-у, чье влияние как наставника было настолько велико, что порой его называли воплощением Линь-цзи, духовного предка всей чаньской школы Восточной Горы. Выбранные места из писем Да-хуэя следуют за беседами Фо-яня.

Да-хуэя отличали уникальное умение облекать чань в простые слова, блестящие способности стимулировать продвижение учеников к пробуждению, а также искусство выбирать редкие и необычные истории из огромной чаньской традиции. Когда Да-хуэй еще находился при наставнике Юань-у, ему сперва было поручено общаться с мирянами, приходившими в общину за советом, а потом Да-хуэй, в качестве учителя, взял на себя и обязанность вести обширную переписку с мирянами.

Да-хуэй часто прибегал к учению «Сутры цветочной гирлянды» и медитации, известной как «океаническое отражение», которая, по традиции, и дала рождение этой сутре. Он неустанно подчеркивает, что природа Будды представляет собой не какую-то воспринимаемую извне форму, но внутреннее знание. Обучая методам, позволяющим уподобиться сознующему пространству, и прозреванию Будды везде и во всем, Да-хуэй утверждает, что в практике чань нет никакой необходимости прибегать к внешним атрибутам религии и духовности. Что действительно важно, говорит он, так это пробуждение; всмотрись в себя самого, остерегаясь рассеянности и пристрастности. Найди исток сознания, и, когда возникает надоб-

ность изменить вещи, сделай это, изменяя сознание. Согласно Да-хуэю, истинное значение чаньского «несознания» — беспристрастность, и эти положения его учения практически дословно вошли в учебник для чиновников и государственных мужей.

Как и Фо-янь и многие другие наставники, Да-хуэй говорит, что для изучения чань вовсе не обязательно оставлять мир. Многие, замечает он, сталкиваясь с трудностями и несчастьями в повседневной жизни, искренне изучают чань, но как только судьба начинает благоволить им, они ослабляют свое рвение. Для того чтобы пробудиться, вовсе не обязательно покидать семью и друзей и бросать свое дело, становиться вегетарианцем, аскетом или затворником. Люди, вовсе покинувшие общество, но внутри сохранившие обычные представления, превратили чаньские общины в семьи, общества и «занятие», которые, по внешним признакам и исповедуемой идеологии, быть может, и отличаются от светских институтов, но на самом деле основываются на столь же глубоко укорененной в мире психологии.

Да-хуэй говорит, что непробудившиеся наставники и карьеристы в монашеских общинах лишь плодят себе подобных, а не передают просветленное учение. В правление династии Сун многие чаньские общины быстро приобретали мирские очертания, что заставляло Да-хуэя и других наставников обрушиваться на них с уничтожающей критикой. Истинные adeptы чань утверждали, что так называемые известные чаньские наставники и школы на самом деле могут быть порождением шарлатанов, которые записывают и воспевают то, что им нравится. Однако обманывающие себя последователи чань зачастую выдают себя тем, что не распознают истинно пробужденных, когда

встречают их, а если и распознают, то это все равно бесполезно, поскольку они ищут согласия и подтверждения, а не понимания.

Чаньский наставник Хун-чжи, великий современник Да-хуэя, был одним из последних представителей его живой традиции. Некоторые ученые полагают, что именно он завершил и отредактировал чаньское собрание сунской династии. В настоящей книге представлены фрагменты его наставлений ученикам.

Хун-чжи внес огромный вклад во все жанры чаньской литературы. Его стихи — среди наиболее тонких и изысканных произведений подобного рода, и даже его проза поэтична настолько, что с ней не сравняется и иная лирика. Он составил два знаменитых собрания, по сто чаньских историй в каждом, и снабдил их своими комментариями, поэтическими и прозаическими, в духе более раннего наставника Сюэ-доу. Есть также обширное собрание других стихов, сочинений, бесед и высказываний Хун-чжи. В нашем сборнике переведены фрагменты его наставлений, написанных в высшей степени изысканной и красивой прозой, являющейся бесподобным художественным дополнением к научной точности и краткости сочинений Юань-у, Фо-яня и Да-хуэя.

Учение Хун-чжи о духовной свободе утверждает, что сознание изначально не привязано к объектам. Однако для воплощения ее на практике требуется так называемое «молчаливое практикование внутреннего видения». Хун-чжи неоднократно повторяет одно из основных чаньских положений: объяснить действительность невозможно, ее необходимо испытать на опыте самому. А для этого нужно «немедленно смыть пыль и грязь субъективных мыслей». Если человеку сопутствует успех, это позволяет ему перейти к неповторимому

чаньскому опыту «без усилий», который отличают спонтанное понимание и всеобъемлющее сознание.

Просветленное пребывание в мире, говорит Хун-чжи, естественно и спонтанно, но при этом организованно и отнюдь не произвольно. Он описывает упражнения, призванные помочь устраниТЬ пристрастность и обрести гармонию сознания, и сохранять подлинную внутреннюю духовность неприкосновенной, не устраниЯсь при этом от повседневной жизни. Да-хуэй говорил, что, если медитация не позволяет сохранять безмятежность среди мирских тревог, это значит, что она на самом деле бесполезна даже вне их. Точно так же и Хун-чжи критиковал некоторых учеников за то, что они слишком долго сидят в медитации и теряют способность обретения эффективной целостности.

Ин-ань тоже был одним из почитаемых наставников школы Восточной Горы. Пережив под руководством одного из чаньских учителей первый опыт просветления, Ин-ань стал учеником великого Юань-у. Потом, по рекомендации самого Юань-у, он продолжил обучение у одного из его преемников — наставника Ху-цю, «Спящего тигра» круга Юань-у. В конце концов Ху-цю признал Ин-аня чаньским наставником и разрешил ему преподавать.

Ин-ань говорит о неподвластности чань экономическим, социальным и духовным мирским влияниям, которые обычно движут людьми. Чаньскую свободу, утверждает он, невозможно ограничить и нельзя предугадать. Сущность чань — истинное восприятие; у настоящих учеников нет прибежища, нет непререкаемого вероучения и нет религии.

Ин-ань перечисляет несколько типов пришедшего в упадок чань-буддизма, в том числе порождаемые привязанностью к временному и замкнутым совер-

шествованием ограниченных взглядов. В качестве примеров он приводит многочисленных представителей «квиетизма и нигилизма», порой маскирующихся под чаньских наставников. Одно из ложных направлений, утверждает Ин-ань, создают те, чье сознание отравлено ложными учителями, но кто при этом считает себя чаньскими наставниками. Другое ложное направление чань обязано своим происхождением тем, кто, не разбирая, собирает всю подряд чаньскую терминологию и стремится прославиться своим совершенством в чань. Чтобы излечиться от подобных болезней, люди должны отказаться от целенаправленной вовлеченности в духовные штудии.

Известная чаньская поговорка гласит: «Путешествие в тысячу ли начинается с первого шага». Ин-ань убежден, что именно первый шаг должен быть правильным шагом, шагом на верном пути, если только идущий, конечно, хочет достичь цели. Вот почему древние чаньские наставники зачастую оставляли без внимания вопрос о направлении пути, или, по крайней мере, не указывали, как конкретно и где именно ученики могут отыскать путь.

В своих наставлениях Ин-ань отмечает, что слишком страстное желание учиться зачастую становится главным препятствием к обретению истинного чаньского восприятия. Не последний из недостатков такого стремления заключается в том, что последнее может усугубить импульсивное желание человека сделать «первый шаг на пути тысячу ли» впопыхах. Не следует подходить к чань с предубеждением, напоминает Ин-ань, но и не нужно думать, будто чаньского понимания нет вовсе. Понимание требует практикования, но цель практики — обрести естественность и спонтанность.

Одно из самых общих наблюдений многих чаньских наставников — что цели, которые одно время преследовали те или иные практики, зачастую меняются, да и сами практики порой прекращаются. Так на протяжении долгой истории чань обстояло дело практически со всеми чаньскими методами; впрочем, то же самое касается и большинства обычных образовательных методов. Это — одна из причин периодических перемен в тактике постижения.

«Чань нельзя обрести в ходе бесед, споров и диспутов», — говорит Ин-ань, несомненно, имея в виду остатки высокоритуализированного образования, сохранившиеся в пришедших в упадок школах. С другой стороны, продолжает он, если человек сможет повторить путь чаньских наставников древности, «в какой-то момент он внезапно повернет свет своего сознания и сквозь завесу заблуждений увидит истинное «я».

В сунском Китае изобиловали чрезмерно интеллектуализированные версии псевдоchanьского учения, несомненно, способствовавшие утверждению тех взглядов, которые столь непримиримо отвергал Ин-ань. «Ветер умозрительного знания, — говорит Ин-ань, — только усилит холод и жару: нос всегда будет заложен, а в голове будет сплошной туман».

Большинство препятствий и ложных путей, подстерегающих практикующего, так или иначе связаны либо со слишком интеллектуализированным, либо, наоборот, с антиинтеллектуализированным подходом к чань. Чрезмерная интеллектуальность отличает академический, литературный, артистический и даже священнический подход к чань, но точно так же обстоит дело и с антиинтеллектуализированием, т. е. с идеей о том, что раз чань отрицает превосходство интеллекта, значит, чань должен быть антиинтеллектуальным.

Ин-ань неоднократно подчеркивает, что практикование чань теми, кто делает это, будучи исполненным мысли обрести величие, объятым жаждой успеха или желанием добиться признания, ни к чему не приведет. Ведь чань считает все подобные устремления тщетными, чуждыми подлинному желанию обрести пробуждение. Вот почему они бессмысленны и бесплодны и закрывают путь к чань.

Поскольку опыт пробуждения невыразим в словах, чаньские наставники прибегали к иным способам его выражения. Среди наиболее драматичных способов — разнообразные шокирующие приемы. Так, например, для того чтобы произвести особый эффект на сознание учеников, некоторые чаньские учителя воздействовали неожиданные удары и крики. Подобные приемы вызывали широкую волну подражания. Однако отмеченные печатью копирования и непродуманности, они утрачивали изначально задуманный смысл, и превратились в некое форму претенциозности и мистификации. Это явление часто упоминается в чаньской литературе.

Ин-ань говорит, что удары и крики — которые в обыденном сознании стали неразрывно связанными с чаньским мистицизмом — на самом деле никоим образом не выражают дух чань. Ин-ань призывает озабочиться не доктриной, изречениями или подражанием, а тем, что он называет «состоянием, в котором на протяжении всего дня не тратится понапрасну ни секунды времени», состоянием, которое следует «поддерживать до тех пор, пока не достигнешь той точки, где нечего ухватывать и не за что цепляться».

Потом человек может «освободиться и сделать сознание пустым и спокойным, ясным и безмятежным, дабы прежние умозрительные различия, ис-

толкования, неправильное понимание и неправильное восприятие не проникали в сознание и не воздействовали на него». Для достижения такого состояния необходима твердая воля, подчеркивает Ин-ань; ибо если узреть чаньское сознание легко, для применения его требуется значительная сила.

Далее читатель может познакомиться с изречениями одного из преемников Ин-аня, наставника Ми-аня. Согласно Ми-аню, чань — это искусство быть «совершенно живым и свободным», ибо только так можно пребывать в мире, оставаясь полностью независимым от него и не подвергаясь его влиянию. Способности к этому скрыты в каждом, но многих, кто пытается раскрыть их через практикование чань, сбивают с толку ложные наставники. Если человек изучает чань из желания добиться признания, в таком случае, убежден Ми-ань, он еще в большей степени подвергается опасности быть обманутым.

Ми-ань перечисляет с полдюжины типичных проблем, подстерегающих ученика на пути к пробуждению. Но, добавляет он, с проблемами этими сталкиваются не только начинающие, но даже те, кто пережил первый чаньский опыт. Однако, подчеркивает Ми-ань, когда сущность чань реализована, «все буддийские истины и вещи мира слились в одно целое — разве осталось еще что-нибудь внешнее, что могло бы явить собой препятствие?»

Наставник Ся-тан — другой известный ученик Юань-у. Он подробно говорит о недискурсивном знании, считающемся базовым для чань. Ся-тан указывает, что понимание, характерное для такого знания, по природе своей недискурсивно; оно обретается не через подавление ума, но при достижении определенного уровня внимания, выходящего за пределы обыч-

ных чувственных ощущений. В рассуждениях Ся-тана просматриваются также намеки на то, что источником понимания на самом деле является «духовное бессмертие», к которому стремятся представители высшей даосской иерархии.

Однако, поясняет Ся-тан, обретение опыта недискурсивного знания не то же самое, что его применение. «Мимолетное видение», за которым следует одержимость, приводит к беде, говорит он, используя для описания умозрительной привязанности классическую метафору — «золотая пыль, застилающая глаза». Естественно, указывая пути выхода из означенного тупика, Ся-тан цитирует чаньских наставников прошлого.

Прежде всего, убежден Ся-тан, следует сломать механизм формирования принуждающих привычек и обуславливания. Развивая эту мысль, он подчеркивает необходимость понимания последствий своих действий. Сфера, лежащая вне власти внешних воздействий, иногда называется пустотой, или отсутствием, в том смысле, что реальность воспринимается сознанием, лишенным каких бы то ни было предубеждений.

Многие наставники сунской эпохи упорно высвечивали проблемы привязанности и человеческого поведения, связанные с несовершенным пониманием пустоты. Как пояснял один более поздний чаньский наставник, чаньская стадия «не добра и не зла» не означает, что зло есть добро или что человек может совершать плохие поступки и не нести за них ответственности. Это означает лишь, что ни добро, ни зло не затрагивают человека. Только тогда, согласно классическому чаньскому учению, человек, будучи лишенным субъективных предрассудков и предвзятости, вызванных причинно-следственной зависимостью, обретает способность отличать подлинное добро и зло от предполагаемого добра и зла.

Завершают книгу изречения наставника Юань-соу, одного из самых блестательных чаньских учителей XIV столетия. В это время Китай находился под властью монголов³, которые, в целом, отдавали предпочтение тибетским, а не китайским школам буддизма. Хубилай-хан (внук знаменитого Чингиз-хана), при котором в состав монгольской империи вошел весь континентальный Китай, одно время проявлял интерес к чань-буддизму, однако, по-видимому, лишь немногие монголы сами изучали чань. Но один из редких монгольских наставников как раз был учеником Юань-соу.

Юань-соу был четвертым преемником по линии великого Да-хуэя, но он также работал и с одним из последних наставников линии Хун-чжи. Согласно традиции, Юань-соу многократно являл во всеувидение свои сверхъестественные способности, и за долгие годы своего наставничества привлек тысячи учеников. Хотя считается, что большая часть записей его учения безвозвратно исчезла во время всеобщей смуты, сопровождавшей крушение монгольской династии Юань в конце XIV в., сохранилось все-таки немало текстов, в том числе письма с наставлениями, фрагменты из которых представлены в нашей книге.

Юань-соу ясно и подробно описывает сущность чаньской медитации, показывая, что использовавшиеся на протяжении веков различные термины говорят на самом деле об одном и том же. Он подчеркивает, что разные буддийские учения имеют опосредованный характер и отмечает некоторые из них. Он перечисляет также наиболее общие и наиболее известные

³ Монгольская династия Юань правила в Китае в 1279–1368 гг. — Прим. ред.

подходы к чаньскому пониманию, утверждая, что истинная цель не сводится ни к какому конкретному подходу и не ограничивается им.

Юань-соу говорит о неуловимой вездесущности чань, неуловимость которой возникает тогда, когда в действительности пытаются ее ограничить. Если человек пытается ограничить чань, то чань ограничивает его самого, когда он позволяет слепым учителям уводить себя в сторону и наделяет «Будду, Дхарму, чань, Дао, тайну, чудеса, проявления и состояния конкретным обликом. Так или иначе это приkleивает его язык, закрывает его глаза и сжимает его сердце».

Объясняя необходимость использования разных средств, Юань-соу говорит, что «все различные учения и методы будд и чаньских наставников предназначены только для того, чтобы вы самостоятельно погрузились в себя, поняли бы свое изначальное сознание и постигли бы собственную изначальную природу, чтобы обрести состояние великого покоя, мира и счастья».

Аккумулированные плохие привычки становятся препятствием на пути, добавляет Юань-соу и утверждает, что если дело обстоит так в повседневной жизни, насколько это более справедливо тогда, когда речь идет о желании обрести высшее чаньское понимание, недоступное даже сознательному устремлению вкупе с добрыми намерениями. Более того, добавляет он, плохие привычки могут скрываться даже под покровом благих намерений. Именно таково учение тех, кто лишь претендует на звание учителей и духовных наставников. О них Юань-соу говорит: «Ты собираешь свои вещи и идешь в дома других людей искать чань, искать Дао, искать тайну, искать чудеса, искать будд, искать чаньских наставников, искать

учителей. Полагая, что ищешь высшее, ты сделаешь это своей верой, но на самом деле это подобно тому, как если сломя голову бежать на восток, чтобы добыть то, что находится на западе. Чем дольше бежишь, тем дальше удаляешься от цели, и чем больше торопишься, тем позднее достигаешь».

Юань-соу рассуждает также о прямоте чаньского сознания, свободного от смущающих и порождающих иллюзии мыслей и идей. Чаньское сознание безличностно и не принадлежит никакой конкретной культуре, системе или идее. Субъективность, проявляющаяся в проведении разграничений, в схватывании и отвергании, предупреждает он, отнимает у людей свободу и загоняет их под гипнотическую власть «вещей». Таким образом, все его учение, от первого до последнего слова, как и учения классических чаньских наставников, говорит о свободе — свободе видеть, свободе быть, свободе жить обдуманно.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие составителя.....	3
Чаньский наставник Ма-цзу.....	8
Чаньский наставник Да-чжу.....	10
Чаньский наставник Линь-цзи.....	11
Чаньский наставник Ян-шань.....	17
Чаньский наставник Фа-янь.....	19
Чаньский наставник Фэн-ян.....	22
Чаньский наставник Сюэ-доу.....	25
Чаньский наставник Хуан-лун.....	27
Чаньский наставник Ян-ци.....	30
Чаньский наставник У-цзу.....	32
Чаньский наставник Юань-у.....	34
Чаньский наставник Фо-янь.....	51
Чаньский наставник Да-хуэй.....	64
Чаньский наставник Хун-чжи.....	73
Чаньский наставник Ин-ань.....	78
Чаньский наставник Ми-ань.....	88
Чаньский наставник Ся-тан.....	90
Чаньский наставник Юань-соу.....	92
Послесловие составителя: размышления об искус- стве быть свободным.....	97

